ДУХОБОРЦЫ И МОЛОКАНЕ

ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

ШІИТЫ

ВЪ КАРАБАХѢ.

БАТЧИ И ОПІУМОѢДЫ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ОБЕРЪ-АМЕРГАУ

ВЪ ГОРАХЪ БАВАРІИ.

РАЗСКАЗЫ

художника В. В. Верещагина.

СЪ РИСУНКАМИ.

Цѣна 60 коп.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собственный домъ.
1900.

ДУХОБОРЦЫ И МОЛОКАНЕ

ВЪ ЗАКАВКАЗЬѢ.

ШІИТЫ

ВЪ КАРАБАХѢ.

БАТЧИ И ОПІУМОѢДЫ

ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

ОБЕРЪ-АМЕРГАУ

ВЪ ГОРАХЪ БАВАРІИ.

РАЗСКАЗЫ

художника В. В. Верещагина.

СЪ РИСУНКАМИ.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.

Пименовская улица, собственный домъ.

1900.

Дозволено цензурою. Москва, 13 мая 1900 года.

Духоборцы.

Съ высокаго хребта открылась предъ нами долина, въ которой расположена духоборческая деревня Славянка. Немного далѣе, за ближними горами, какъ мнѣ объяснили, есть еще нѣсколько деревень этихъ же сектаторовъ, но тѣхъ мнѣ не удалось видѣть. Скоро повстрѣчались и сами духоборцы: большой гурьбой возвращались они съ ближняго сѣнокоса домой, съ косами и граблями на плечахъ. Одѣты въ бѣлыя рубашки, заложенныя въ широкія шаровары— по-солдатски, на головахъ картузы съ большими козырями. Толпа смотрѣла весело, слышны были говоръ и смѣхъ. Проѣзжему всѣ вѣжливо приподняли шапки.

Деревня Славянка лежитъ въ лощинѣ, при быстромъ горномъ ручьѣ, текущемъ въ Куру; до Елисаветполя (Ганжи) отсюда будетъ верстъ 60 съ лишечкомъ. Кругомъ горы, почти лишенныя растительности, но въ самомъ селеніи много зелени и деревьевъ. Въ деревнѣ теперь считается 205 домовъ и до 600 душъ мужескаго пола.

Духоборцы вышли сюда или, лучше сказать, были выселены изъ Таврической губерніи, куда, въ свою очередь, ихъ переселили въ 20-хъ годахъ изъ внутреннихъ губерній. Многіе старики хорошо помнятъ еще родныя мѣста въ старой Россіи, въ Тамбовской, Саратовской и др. губерніяхъ. Первая партія пришла въ 1840 году, другія нѣсколько позже. Сначала было имъ здѣсь довольно тяжело: пришлось на первое время селиться у сосѣднихъ армянъ и татаръ, которые обращались съ ними очень немилостиво, безъ церемоній грабили ихъ и даже рѣзали. Строиться было трудно, лѣсу вблизи нѣтъ, и провозъ его по горнымъ тропамъ очень затруднителенъ; многіе тогда возвратились въ православіе и вернулись въ Россію.

Кое-какъ, впрочемъ, оставшіеся оправлялись понемногу, и теперь, т.-е. черезъ 25 лѣтъ, духоборческія поселенія въ числѣ, если не ошибаюсь, четырехъ деревень выстроились и обставились отлично, на зависть всѣмъ окрестнымъ туземцамъ.

Очень строго преслѣдовали ихъ толкъ, стараясь препятствовать распространенію его; въ этихъ-то видахъ духоборцы были выселены сначала въ Таврію, а потомъ въ еще болѣе глухое мѣсто, въ горы Закавказскаго края. Императоръ Александръ I посѣщалъ ихъ еще въ Таврической губерніи, присутствовалъ при моленіи и своимъ милостивымъ обра-

щеніемъ не только оставилъ по себѣ добрую память между сектаторами, но и улучшилъ ихъ крайне не-

Духоборецъ.

завидное тогда гражданское положеніе. «Только со времени его посѣщенія», говорятъ духоборцы, «ста-

ли смотрѣть на насъ, какъ на людей: и скотинку погонишь въ городъ, и что другое продашь или купишь; а то прежде купецъ или кто другой, первымъ дѣломъ, начнетъ ругаться передъ тобой: нехристи, да такіе, сякіе... просто хоть и не показывайся никуда». Вообще можно замѣтить, что прежнія гоненія и оскорбленія еще очень памятны имъ, такъ что, несмотря на лучшія времена, охотниковъ на переселеніе назадъ въ Россію между духоборцами найдется, вѣроятно, не много.

Основная религіозная идея духоборцевъ можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ. Единый Богъ въ трехъ лицахъ: Отецъ Богъ—память, Сынъ Богъ—разумъ, Духъ Св. Богъ—воля, Богъ—троица едина. Никакихъ *писаній* они не имѣютъ; не признаютъ ни евангелія, ни библіи, ни книгъ св. отцовъ православной церкви; все это, говорятъ они, написано человѣками, а все, что отъ человѣка — несовершенно. Понятіе о Христѣ чрезвычайно сбивчивое: вмѣстѣ съ смутнымъ признаніемъ его, какъ Богочеловѣка, полнѣйшее отсутствіе понятія о томъ, какъ онъ жилъ и за что страдалъ. Понятіе о Христѣ ограничивается тѣмъ, что сказано о Немъ въ ихъ такъ-называемыхъ *Давыдовыхъ псалмахъ*. Эти псалмы — единственныя молитвы, общеупотребительныя у духоборцевъ; на сколько они Давыдовы, т.-е. насколько могутъ быть приписаны пророку Давыду, который пользуется у

нихъ большимъ уваженіемъ, можно судить по тѣмъ образцамъ, которые у меня есть, но которые неудобны для печати. Можетъ быть, въ первое время образованія толка молитвы эти имѣли болѣе смысла, но такъ какъ онѣ передавались и теперь передаются въ семействахъ, отъ отца къ сыну, *только устно*, то и неудивительно, что, при совершенной безграмотности народа, многія слова и цѣлыя фразы искажены и обезсмыслены до смѣшного. Духоборцы же увѣрены, что каждое слово этихъ псалмовъ идетъ по преданію отъ устъ самого псалмопѣвца.

Недовѣріе, или, даже вѣрнѣе будетъ сказать, отвращеніе, ко всякимъ *писаніямъ* доводитъ ихъ иногда до безсмыслицъ въ родѣ слѣдующей. Вмѣстѣ съ пророкомъ Давыдомъ три ветхозавѣтныя личности пользуются у нихъ большимъ почетомъ: это — Ананія, Азарія и Мисаилъ, и почему же?—потому что *они достояли при крестѣ до конца*: «на что ужъ апостолъ Петръ былъ близокъ ко Христу», толкуютъ духоборцы, «и тотъ отрекся отъ него, а они выдержали». На замѣчаніе мое, что, живя гораздо ранѣе Христа, они не могли присутствовать при его страданіяхъ—отвѣчаютъ, что «не ихъ дѣло разсуждать объ этомъ, *довольно вѣрить тому, что передано отъ отцовъ*». Смыслъ повѣрія понятенъ, но въ хронологіи, повторяю, безсмыслица.

— Не извѣстны ли вамъ,—говорю я нѣсколькимъ старичкамъ, бесѣдовавшимъ со мною:—кромѣ Давыда, и другіе ветхозавѣтные пророки, также много предсказывавшіе о Христѣ, какъ, напримѣръ, Исаія...

— Какой это, батюшка, Исай,—перебиваютъ меня:—это что Авраамъ, Исай, Іаковъ-то?.. Гдѣ же ихъ знать, и много ихъ всѣхъ, да и давно они очень жили.

О святыхъ, почитаемыхъ греческою церковью, отзываются, что это были, можетъ быть, очень добрые люди—и только.

Догматъ почитанія властей, вслѣдствіе практической необходимости, начинаетъ входить у нихъ въ силу и, съ другой стороны, утрачиваетъ значеніе любимый догматъ духоборца:

... Не убоюся
На Бога сположуся.

По поводу этого стиха припоминаю смѣшной случай. Какъ-то въ воскресенье, справляемое у духоборцевъ съ водкою и гульбою, пьяный отставной солдатъ (которыхъ много между этими сектаторами) крѣпко ругался подъ моимъ окномъ; я послалъ бывшаго со мною провожатаго, казака, попросить его уйти съ бранью куда-нибудь въ другое мѣсто. Смотрю въ окно и вижу, что казакъ принялся усовѣщивать:

— Что ты это вздумалъ тутъ ругаться, развѣ не видишь, здѣсь остановился проѣзжій чиновникъ, вѣдь не хорошо...

Пьянчужка мой презрительно посмотрѣлъ на посланнаго, подбоченился и пропѣлъ ему въ отвѣтъ:

Я тебя не убоюся,
А на Бога сположуся!

Казакъ махнулъ рукой и воротился ко мнѣ огорченный.

— Ничего съ нимъ, ваше благородіе, не сговоришь, грубіянъ, извѣстно—пьяный человѣкъ...

«Царя мы почитаемъ,—говорятъ духоборцы,—это на насъ пустое взвели, что мы власть не чтимъ; царя нельзя не почитать, только-что отцемъ его, какъ православные, не называемъ».

Разскажу о богослуженіи духоборцевъ, крайне простомъ и не сложномъ.

Въ воскресенье провели меня въ избу, назначенную для собраній. Очень чистая, обыкновенная крестьянская горница, просторная, но низкая, съ большою русскою печью и увѣшанная красивыми полотенцами, биткомъ набита народомъ. Мужчины съ одной стороны, женки съ другой; постарше лѣтами сидятъ на лавкахъ, остальные стоятъ. Начинаютъ поочередно читать молитвы; если кто ошибется, его тотчасъ же поправляютъ:

— Не такъ ты говоришь!

— Какъ не такъ, какъ же еще?

— А вотъ какъ... и, въ свою очередь, ошибается—опять со всѣхъ сторонъ раздаются поправки. Я

замѣтилъ, что ошибаются больше мужчины, женщины знаютъ молитвы (псалмы тоже), тверже и поправки идутъ больше съ ихъ стороны. Чтеніе молитвъ продолжается довольно долго, пока не истощится весь запасъ ихъ или, что бываетъ въ тяжелую рабочую пору, пока не начнетъ сказываться въ присутствующихъ усталость, послышатся съ угловъ и укромныхъ мѣстечекъ всхрапыванія. Тогда кто-нибудь приглашаетъ собраніе перейти къ пѣнію:

— А что, господа, тяжко (душно) что-то, не выдти ли на дворъ попѣть-то?

Всѣ отправляются на дворъ, гдѣ опять мужчины становятся въ одну сторону, женщины въ другую. Обычай становиться мужчинамъ и женщинамъ однимъ противъ другихъ строго соблюдается. Этимъ исполняется заповѣдь: *имѣть передъ собою во время молитвы образъ Божій.*

Поютъ также долго, на одинъ и тотъ же заунывный и такой грустный напѣвъ, что непривычному тоскливо сдѣлается: вспоминается что-то родное, далекое... Волга и бурлаки съ ихъ пѣсней, подобною стону... Впереди мужчинъ всегда стоитъ запѣвало, который и начинаетъ *выпѣваніе* каждаго псалма.

Въ деревнѣ Славянкѣ исправлялъ эту почетную должность пренаивный старичокъ, часто приходившій ко мнѣ бесѣдовать и всегда не съ пустыми руками: то съ сотовымъ медомъ, то съ свѣжими огурчиками,

за что, впрочемъ, не упускалъ случая упрятывать въ карманъ добрую горсточку папиросъ, которыми послѣ, какъ мнѣ сказывали, похвалялся передъ сосѣдями: «чиновникъ это меня все почтуеть—уважаеть».

Мнѣ онъ нѣсколько разъ тонко намекалъ на важность исполняемой имъ обязанности: «Поди ты, вотъ другому, хоть что хошь, не *зачать* псаломчика — это ужь въ кого что Господь вложитъ...» Только запѣвало и, можетъ быть, еще нѣсколько человѣкъ при пѣніи слѣдятъ за словами, остальные же просто вторятъ *восмъ*.

Передъ окончаніемъ богослуженія становятся полукругомъ и начинаютъ кланяться и цѣловаться другъ съ другомъ; мужчины обходятъ поочередно всѣхъ мужчинъ, женщины—женщинъ. Взявшись за правыя руки и поклонившись одинъ другому два раза, цѣлуются, затѣмъ еще два раза кланяются; послѣдній поклонъ, особенно низкій, обращенъ со стороны мужчинъ къ женщинамъ и къ мужчинамъ— съ женской стороны. Поклоны отвѣшиваются какъ-то очень неуклюже и немного въ сторону. Каждый обойдетъ непремѣнно всю присутствующую братію, не исключая и подростковъ. Очень маленькихъ дѣтей мнѣ не случалось видѣть на молитвахъ. Во все время церемоніи поклоновъ пѣніе не прерывается. По окончаніи ея — шабашъ, шапки на голову и по домамъ.

Я записывалъ ихъ псалмы буквально, со словъ старыхъ и молодыхъ: тѣ и другіе, старики же въ особенности, плохо понимаютъ, что они говорятъ: зазубривая слова наизусть, они часто не понимаютъ ихъ смысла, и когда я спрашивалъ объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ, старички отвѣчали большею частью такъ: «Кто жъ его знаетъ, премудрость Божія, не достигнешь всего этого», или «Богъ его знаетъ, я этого не знаю, такъ родители наши читывали, такъ и мы читаемъ; такъ маленькихъ пріучили—Господь знаетъ, что тамъ къ чему». Случалось получать и объясненія, но по большей части очень темныя: видно было, что сходство въ выговорѣ словъ и выраженій фразъ принималось за сходство въ смыслѣ. Стоитъ читающему забыть одно слово псалма—онъ тотчасъ сбивается и начинаетъ сначала.

Случится, что бравый духоборецъ выпуститъ изъ середины добрую часть молитвы и догадается объ этомъ только тогда, когда окончитъ. Подумаетъ, подумаетъ да и говоритъ: «должно, пропустилъ я чего-нибудь, потому ужъ очень скоро конецъ пришелъ».

Иногда же спохватится во-время: «нѣтъ, нѣтъ, что-то не такъ; нутка почитайте, что тамъ у васъ записано?» Я читаю:.. «и причащаемся мы ко святымъ его тайнамъ, божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ»... «Ну, ну, такъ; еще теперь пиши Христовымъ»—и потомъ начнетъ припоминать весь

запасъ книжныхъ словъ и бормотать про себя: «Божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ, Христовымъ... Божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ... Ну, пиши еще безсмертнымъ»...

— Охъ! какъ теперь дальше-то, не забыть бы чего... Ну-ка, почитай-ка же еще сначала... и т. д.

При общественныхъ молитвахъ этого, разумѣется, не случается, потому что ошибка сейчасъ поправится нѣсколькими голосами.

Молятся не только по воскресеньямъ, но и по буднямъ поздно вечеромъ, послѣ работъ, въ особенности по субботамъ.

Нельзя не удивляться, что духоборцы, съ ихъ здравымъ житейскимъ смысломъ, приписываютъ составленіе своихъ псалмовъ пророку Давиду, когда содержаніе большей части ихъ ясно указываетъ на время и обстоятельства, сопровождавшія образованіе и развитіе ихъ толка.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ молитвъ, или псалмовъ, представляющая родъ катихизиса духоборскаго вѣроученія; повторяю, что я записывалъ ее слово въ слово:

«Иже духомъ Богу служимъ, хвалимся мы о Христѣ Iисусѣ: духа забрали, отъ духа беремъ, духомъ и бодрствуемъ. Вѣруемъ мы во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца, который намъ сотворилъ небо и землю и бѣлый свѣтъ открылъ, въ Того мы и вѣ

руемъ. Окрещаемся *) мы во имя Отца и Сына и Св. Духа. Молимся мы Богу духомъ, духомъ истиннымъ и Богу истинному: гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ ко Господу помолюся. Исповѣдаемся Бога небеснаго, яко благъ Господь, во вѣкъ милость его, понеже всѣ согрѣшенія оставляемъ и причащаемся мы ко святымъ Его тайнамъ божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ, Христовымъ, безсмертнымъ во оставленіе грѣховъ. Ходимъ мы въ церковь въ Божію, во единую святую, соборную, апостольскую, гдѣ есть собраніе истинныхъ христіанъ. Священника мы имѣемъ праведнаго, преподобнаго, не ложнаго, не злобнаго, который отлученъ отъ грѣшника. Богородицу мы именуемъ и почитаемъ, изъ ней же народился Іисусъ Христосъ на потребленіе грѣховъ Адамовыхъ. Святыхъ угодниковъ почитаемъ и подражаемъ стопамъ ихъ **). Кланяемся мы образу Божію—неоцѣненный образъ Божій, ликъ небесный поетъ и глаголетъ. Иконы истинныя и естественныя, непремѣрныя къ хартерамъ ***) со его же общества, показуетъ Сынъ Отца, Св. Духа.

«Царя почитаемъ, спаси Господи Царя, услыши

---

*) Видимаго крещенія, такъ же какъ и прочихъ таинствъ, у духоборцевъ нѣтъ. Вообще вѣроученіе ихъ лишено всякихъ обрядностей, чѣмъ они отличаются отъ сектаторовъ другихъ толковъ.

**) Тутъ кстати замѣчу, что многое изъ высказываемаго здѣсь противорѣчитъ разговорнымъ рѣчамъ духоборцевъ.

***) Вѣроятно, *непохожія на картины*.

насъ. Имѣемъ мы постъ — воздержаніе въ мысляхъ. Содержи меня отъ всего зла, отъ устъ роптанія, отъ рукъ убіенія, отъ всякаго зла воздержанія, отыми у меня всю неправду. Имѣемъ мы бракъ, дѣло вѣчное блаженство, въ томъ мы себя и утверждаемъ. Въ рукотворенную церкву ходить не желаемъ; написанымъ образамъ не кланяемся, и мы въ нихъ святости не чаемъ и спасенія не заключаемъ; потому мы на себя рукъ не воскладаемъ, а мы прибѣгаемъ къ слову Божіему, кресту животворящему — и Богу нашему слава».

Записавъ каждый изъ приведенныхъ псалмовъ, по словамъ одного духоборца, я перечитывалъ его буква въ букву многимъ другимъ, чтобы узнать, не будетъ ли съ ихъ стороны поправокъ; за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и добавокъ нѣсколькихъ пропущенныхъ словъ все остальное признано было вѣрнымъ и согласнымъ съ сохранившимся въ памяти ихъ преданіемъ.

Тѣ же духоборцы, которые славятъ Бога и свою вѣру по страннымъ и подчасъ дикимъ псалмамъ, живутъ честно, разумно и зажиточно. Правда, что эти качества присущи и другимъ загнаннымъ и забитымъ религіознымъ обществамъ, каковы, напримѣръ, секты молоканъ, субботниковъ и скопцовъ въ Закавказскомъ краѣ.

Но я, познакомившись съ молоканами и духобор-

цами, ставлю послѣднихъ далеко выше первыхъ, въ нравственномъ отношеніи.

У молоканъ, напримѣръ, запретъ на вино и на табакъ, и наружно они не пьютъ, не курятъ, но зато втихомолку не откажутся отъ запретнаго плода. У духоборцевъ этого нѣтъ: они открыто пьютъ и курятъ и даже сами разводятъ махорку. Молоканъ при случаѣ не прочь надуть или даже украсть, у духоборцевъ случаи того и другого такъ рѣдки, что всѣ наперечетъ. Замѣчательно, что духоборцы считаютъ молоканъ отщепенцами своей вѣры, а молокане увѣряютъ, что духоборцы отстали отъ нихъ, и это послѣднее вѣроятнѣе.

Теперь оба толка ненавидятъ одинъ другой: «Безбожники хуже псовъ», отзываются молокане о духоборцахъ. — «Развѣ это люди?» говорятъ, въ свою очередь, духоборцы о молоканахъ.

Относительно моего пріѣзда и занятій, напримѣръ, духоборцы были гораздо менѣе подозрительны, чѣмъ молокане; эти послѣдніе такъ, кажется, и остались увѣрены, что мое пребываніе у нихъ имѣло цѣлью тайные розыски и въ перспективѣ ссылку на Амуръ. Правда, и духоборцы не вдругъ разговорились: «Вотъ вы насъ спрашиваете объ томъ да объ другомъ», говорилъ мнѣ одинъ старикашка, «а мы еще не знаемъ, кто вы такіе».

— Да тебѣ зачѣмъ это знать?

— Какъ зачѣмъ? не знаемъ, что можно вамъ говорить и что нѣтъ. Чиновники вы или нѣтъ, благородный или высокоблагородный — будемъ знать, какъ величать васъ?

Я объяснялъ, на сколько могъ вразумительно, что просто, мимоѣздомъ, заѣхалъ посмотрѣть, какъ живутъ русскіе люди между татарами и армянами.

— Вы заперты въ горахъ, у васъ мало кто бываетъ, да и сами вы рѣдко выходите изъ своихъ мѣстъ, такъ объ васъ ходятъ разные слухи, не знаешь, чему и вѣрить; мнѣ захотѣлось узнать, сколько правды въ томъ, что объ васъ разсказываютъ.

Нѣкоторые, повидимому, проникались этими доводами и одобрительно качали головами.

«Такъ, такъ, это точно, что разсказываютъ объ насъ много вздорнаго».

Нашлись даже такіе политики, что благодарили меня за честь, которую я имъ дѣлаю своими разспросами.

Какъ я уже говорилъ прежде, ни книгъ, ничего писаннаго у духоборцевъ нѣтъ: старики и сами не знаютъ грамоты, и дѣтей своихъ не учатъ—считаютъ это занятіе излишнимъ для мужика. Исключеніе составляютъ только занимающіе должности писцовъ при сельскихъ управленіяхъ—это, по большей части, грамотеи изъ отставныхъ солдатъ. Только узнавъ о такомъ организованномъ невѣжествѣ, по-

нялъ я, что не шутилъ старичокъ, просившій меня сдѣлать милость сосчитать, сколько ему будетъ лѣтъ теперь, если онъ въ 1822 году шелъ съ отцомъ въ Таврію изъ Тамбовской губерніи мальчишкою 14 лѣтъ: «Давно,—говоритъ,—хотѣлъ я объ этомъ узнать, да и все не у кого было спросить». Этотъ же пріятель, узнавъ, что я поѣздилъ по бѣлу-свѣту, добивался узнать, гдѣ именно солнышко садится?

«Такъ-таки и нѣту такого мѣста, гдѣ солнышко садится», переспрашивалъ онъ потомъ еще нѣсколько разъ.

Откуда духоборцы взяли свой нарядъ? говорю о мужчинахъ. Когда я спрашивалъ у нихъ объ этомъ, они отвѣчали, что это «платье настоящее россейское», но именно въ настоящей-то Россіи его и нельзя встрѣтить. Еще широкія, длинныя шаровары туда-сюда, но откуда перенять коротенькій, на манеръ солдатскихъ, архалукъ со стоячимъ воротникомъ, застегивающимся на груди крючками внутрь, — прямо казацкій, съ Дона, нарядъ? Всѣ безъ исключенія носятъ этотъ архалукъ. Женщины одѣты въ обыкновенное русское платье и, при этомъ, волосы у нихъ закрыты платкомъ или кускомъ матеріи, свернутымъ наподобіе сахарной головы, со свѣсившимися назадъ концами. Дома у духоборцевъ совершенно тѣ же, что и во всей южной Россіи: снаружи рѣзьба, полотенца, коньки со всадниками, пѣтушки и т. п. украшенія.

Внутри дома чрезвычайно опрятны, стѣны чисто выбѣлены и иногда позавѣшаны, чѣмъ Богъ послалъ:

Духоборка.

полотенцами, узорными бумажками, лубочными картинками и др. въ этомъ родѣ.

Телѣги, напримѣръ, совершенно такія, какія мнѣ случалось видѣть въ восточной Пруссіи: очень большія дроги, обставленныя со всѣхъ сторонъ наклоненными наружу перилами. Въ такую телѣгу усядутся 20 человѣкъ, и еще останется мѣсто для двадцать перваго.

Въ деревнѣ много ульевъ и хорошій хозяинъ продаетъ въ годъ рублей на сто меду; кромѣ того, продаютъ нитки и полотна, и почти всегда, а въ урожайные годы въ особенности,—картофель и хлѣбъ.

Почва земли хотя немного и каменистая, но плодородная. Сѣютъ рожь, и она даетъ самъ-десять и самъ-пятнадцать; пшеница идетъ похуже ржи, такъ же, какъ и ячмень; гречиха родится хорошо, просо опять похуже; сѣютъ полбу, и родится хорошо; изъ конопли работаютъ масло и ѣдятъ его, и продаютъ, а картошкой и льномъ не нахвалятся.

На 205 дымовъ у духоборцевъ въ деревнѣ Славянкѣ тысячъ до 7-ми разнаго скота. Крупный рогатый скотъ прекрасный—помѣсь туземной породы съ черноморскою. Замѣчательны также бараны, такъ называемые у нихъ *шпанки*, вѣроятно, дѣйствительно испанской или южно-французской породъ; шерсть отъ этихъ барановъ продается по 8 и 9 р. за пудъ, тогда какъ окрестные туземцы продаютъ этотъ товаръ отъ своихъ барановъ по 3, по 4 и много по 5 р. за пудъ *).

*) Теперь эти цѣны выше.

Какъ видно, духоборцамъ жить можно, одно не хорошо—сосѣди. Объ нихъ, т.-е. о татарахъ и армянахъ, духоборцы отзываются очень дурно: только та и разница между ними, что татаринъ смотритъ, какъ бы ограбить да убить, а армянинъ не пропуститъ случая обсчитать да надуть. О грабежахъ и убійствахъ не переслушаешь всѣхъ разсказовъ.

«Только съ пріѣздомъ *новаго*» (т.-е. новаго уѣзднаго начальника), говорятъ они, «стали мы жить какъ слѣдуетъ, а то просто въ раззоръ разорили татары. Грабили среди бѣлаго дня: схватятъ тебя, завяжутъ руки назадъ да кинжалъ надъ горломъ и держатъ, а другіе въ то время уводятъ лошадей. Управы и не ищи: таскаютъ тебя къ суду въ самую рабочую пору, когда т.-е. день стоитъ рубля серебромъ. Вытребуютъ такъ-то въ городъ да и то за тѣмъ, что вотъ, молъ, по твоему дѣлу воры не отысканы—такъ подпишись, братецъ, подъ этой бумагой, что удовлетворенъ,—и дѣлу конецъ. Ѣдешь куда-нибудь, такъ и не знаютъ, ждать тебя назадъ или нѣтъ; а пріѣдешь, хоть не издалечка, такъ и говорятъ: слава Тебѣ, Господи! Ночь пройдетъ спокойно, воровства на деревнѣ не было—всѣ Бога благодарятъ, ну, авось и завтра какъ-нибудь проживемъ».

Молокане.

Въ Закавказьѣ очень много молоканъ: живутъ они всѣ хорошо, зажиточно, но только не такъ согласно, какъ духоборцы. Между молоканами много раздоровъ: недовольные почему-либо старыми порядками выдумываютъ новые, отдѣляются и увлекаютъ за собой цѣлыя партіи: отдѣлившееся такимъ образомъ общество начинаетъ собираться подъ руководствомъ новаго наставника и уже въ отдѣльномъ домѣ. Такимъ образомъ, сначала незамѣтно, потомъ все въ большихъ размѣрахъ разрастаются несогласія и превращаются, наконецъ, въ открытую злобу. Такъ-то и вышло, что *секта духовъ*, какъ молоканы называютъ себя, раздѣлилась еще на нѣсколько обществъ: во-первыхъ, *чистые* молокане, — наиболѣе благоразумные въ отправленіи своихъ обрядовъ. Они признаютъ Ветхій и Новый Завѣты, читаютъ и поютъ Давидовы псалмы, которые, какъ и личность самого псалмопѣвца, пользуются большимъ уваженіемъ у

молоканъ всѣхъ толковъ. Нѣкоторые ветхозавѣтные праздники справляются наравнѣ съ общеустановленными въ православной церкви.

Пресвитеръ молоканъ.

По поводу почитанія этихъ библейскихъ праздниковъ не всѣ чистые молокане согласны между со-

бою; есть общества, желающія, по примѣру субботниковъ, наблюдать *всѣ*, такъ что образовалась партія, занимающая среднее положеніе между чистыми молоканами и субботниками, или жидовствующими. Они, впрочемъ, немногочисленны, и отдѣльными поселеніями мнѣ не случалось ихъ встрѣчать.

Разногласятъ также и по другимъ второстепеннымъ предметамъ: такъ, нѣкоторые находятъ соблазнъ въ обычаѣ *общественнаго цѣлованія*, соблюдаемаго молоканами при всѣхъ молитвахъ—новый раздоръ и отдѣленіе. Важнѣе—несогласія *чистыхъ* съ *прыгунами*; эти послѣдніе понимаютъ догматъ инспосыланія вѣрующимъ Св. Духа въ самомъ крайнемъ смыслѣ: они учатъ, что это сошествіе Св. Духа проявляется настолько видимо, что въ состояніи заставить молящихся приходить въ восторгъ, т.-е. попросту бѣсноваться и даже говорить разными языками. Поэтому, богослуженія прыгуновъ, въ особенности вечернія или, вѣрнѣе сказать, ночныя, такъ какъ они продолжаются далеко за полночь—чистый соблазнъ, а подчасъ и смѣхъ для всѣхъ, не принадлежащихъ къ ихъ толку. «Народъ, вѣдь, не разбираетъ да и насъ приплетаетъ къ ихъ содомству», говорятъ чистые и крѣпко негодуютъ на нововводителей; такъ негодуютъ, что одинъ ни за что не ступитъ ногой въ собраніе другихъ—чтобы не оскверниться. Не менѣе прыганья послужило поводомъ къ

раздору и введеніе прыгунами *новыхъ пѣсенъ*, составляемыхъ ихъ современными пророками и псалмопѣвцами. Пѣсни эти поются на новый ладъ и, обыкновенно, предшествуя прыганью, своимъ веселымъ, все болѣе и болѣе учащающимся напѣвомъ подготовляютъ и располагаютъ къ бѣснованію.

Въ свою очередь, и прыгуны раздѣлились: часть ихъ, опираясь на свидѣтельства ветхозавѣтныхъ писателей и на примѣры многихъ древнихъ патріарховъ и царей—допускаетъ многоженство. Эти нововводители покамѣстъ не многочисленны, и пропаганда ихъ ведется осторожно.

Подозрѣвая во мнѣ офиціозное лицо, эти люди или, лучше сказать, вожаки ихъ, просили представить начальству составленную ими добавку къ обыкновенному и извѣстному ученію прыгуновъ. Разумѣется, я долженъ былъ отказать въ этомъ, но, тѣмъ не менѣе, добылъ себѣ копію съ этого *добавленія*.

Сколько я могъ замѣтить, личныя неудовольствія и разныя домогательства наставниковъ и руководителей играютъ главную роль во всѣхъ этихъ несогласіяхъ. Масса, сравнительно далеко менѣе начитанная и развитая, легко поддается на всякое нововведеніе, льстящее тѣмъ или другимъ страстямъ и прихотямъ: такъ, въ прыгуны и многожены валитъ больше народъ молодой, который не прочь попля-

сать и поѣлъ подъ веселый напѣвъ, да и отъ нѣсколькихъ женъ не откажется.

Надобно замѣтить, что многожены, кромѣ своихъ полигамическихъ наклонностей, почти сходятся въ остальномъ съ прыгунами: такъ что для большей ясности можно раздѣлить все общество молоканъ собственно на двѣ главныя группы: *чистыхъ* (или общихъ) и *прыгуновъ*.

Скажу прежде нѣсколько словъ о первыхъ.

Позднимъ вечеромъ, въ одну субботу, вхожу я въ избу ихъ собраній. Изба простая, русская, и вся заставлена скамьями; народу немного; моленія еще не началось; толстый пожилой мужикъ, съ обрюзглой физіономіей (пресвитеръ, какъ я послѣ узналъ *), сказалъ мнѣ: «милости просимъ, батюшка, садитесь поближе, побесѣдуемъ». Пока я перекидывался съ близъ сидѣвшими обычными пожеланіями здоровья началъ собираться народъ, сдѣлалось жарко, душно: извѣстно, народъ рабочій...

Пресвитеръ, т.-е. наставникъ или руководитель, сидитъ на почетномъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, подъ кіотомъ, задернутымъ занавѣскою. За отсутствіемъ образовъ у молоканъ въ этихъ кіотахъ хранятся священныя книги и другія вещи, бумаги, чернильница, счеты, подсвѣчники и прочая канцеляр-

---

*) Смотри стр. 23.

ско-хозяйственная рухлядь. На время моленій книги выкладываются на небольшой, покрытый чистою бѣ-

Молоканка.

лой скатертью столъ, поставленный, по русскому обыкновенію, въ этомъ же переднемъ углу. Рядомъ

съ пресвитеромъ сидитъ его помощникъ или и нѣсколько ихъ. Около этихъ руководителей и по скамьямъ кругомъ стола садится народъ попочтеннѣе—молодежь подальше, вглубь избы. Женщины также не очень суются впередъ и все больше пристраиваются у дверей и къ уголкамъ.

— Отчего это у васъ женщины сидятъ позади мужчинъ?—спрашивалъ я послѣ въ разговорѣ.

— А чиномъ онѣ пониже, батюшка, такъ и сидятъ позади,—отвѣчало нѣсколько голосовъ, и тотчасъ же привели мнѣ, въ подтвержденіе этихъ словъ, нѣсколько текстовъ...

Пока моленіе не началось, разговоры идутъ о постороннихъ предметахъ, и, несмотря на страшную жару и духоту въ избѣ, большая часть сидитъ въ полушубкахъ.

Но вотъ пресвитеръ возвышаетъ голосъ: «Ну, чего бы намъ нынче читать... Не гораздъ я и прежде былъ читать-то, а теперь и глаза плохи стали. Читай, братъ, Иванъ Власьичъ».—«Нѣтъ, Яковъ Никифорычъ, гдѣ намъ до васъ, читайте ужъ вы».—«Да то-то, вишь, глаза-то плохи стали: ну да, пожалуй... Давай, вотъ, что ли, изъ апостола Іоанна». Словомъ, послѣ маленькаго жеманства, необходимаго ради скромности передъ заѣзжимъ бариномъ, напялилъ на носъ очки и началъ читать одно изъ посланій Іоанна, останавливаясь на каждой фразѣ для толкованія. Объясненія были часто очень произволь-

ныя, а иногда неправильныя; напротивъ, были и такія, которыя отличались здравымъ смысломъ и практичностью: «Вотъ видишь, братцы, что апостолъ-то приказываетъ не ссориться. А у насъ, вонъ, третьева дня ребята-то на покосѣ повздорили да и до засѣдателя дошли; вотъ ужъ этого-то апостолъ и не велитъ. Случаемъ, какъ ежели до спора дошло, и ступай къ старичкамъ, они разсудятъ и помирятъ, и поцѣловаться заставятъ —и дѣлу конецъ; а то, вишь ты, что вздумали, засѣдателя безпокоить, тутъ грѣхъ одинъ; такъ-то вотъ... Ну, давай дальше»... и т. д. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читающій, видимо, самъ не понималъ смысла фразы, онъ ловко обходилъ толкованіе въ такомъ родѣ: «Да, ну это тоже апостолъ не приказываетъ» или «и это надо помнить не забывать».

По поводу словъ апостола о будущемъ царствіи небесномъ пресвитеръ толковалъ, что «когда наступитъ оно— этого никто не знаетъ, такъ что, можетъ быть, и внуки наши еще не доживутъ до втораго пришествія Христова» очевидно близость этого пришествія какъ и страшнаго суда крѣпко держится въ умахъ.

Окончивъ, такимъ образомъ, главу изъ апостола, пресвитеръ сказалъ народу: «Ну, теперь спойте что-нибудь, ребята». Тутъ собраніе, видимо, оживилось. Одинъ изъ помощниковъ пресвитера открылъ псалтырь и, посовѣтовавшись съ сосѣдями насчетъ выбора предмета для пѣнія, громко произнесъ первую

фразу котораго-то псалма. Запѣвало, а за нимъ и вся толпа начали *вытягивать* ее подъ общій тонъ нашихъ простонародныхъ пѣсенъ, только еще болѣе заунывно. Такъ слѣдовала фраза за фразою: пресвитеръ выговариваетъ стихъ, остальные подхватываютъ его и тянутъ однообразно, долго, долго... Поютъ молокане очень громко, бабы визжать такъ, что пѣнье раздается съ одного конца деревни до другого; бывало, вечеромъ, въ субботу, когда затянутъ въ нѣскольких собраніяхъ, ничѣмъ нельзя заниматься: и двери, и окна закроешь—нѣтъ, раздается вой, будто подъ самыми окнами. Послѣ пѣнья постлали на полъ небольшой коврикъ и, ставъ вокругъ него, начали читать молитвы и стоя, и съ колѣнопреклоненіемъ;—пресвитеръ громко, остальные нашептывали вслѣдъ за нимъ. Потомъ опять сѣли по лавкамъ и запѣли; затѣмъ размѣстились кругомъ всей избы — начался обрядъ цѣлованія: кромѣ пресвитера, который никому не кланялся, а только первый принималъ лобызанія другихъ, каждый, Иванъ или Петръ, напримѣръ, обходилъ всѣхъ, каждому три раза кланялся въ ноги и два раза цѣловался съ каждымъ. У духоборцевъ мужчины цѣлуются только съ мужчинами, а женщины—съ одиѣми женщинами; у молоканъ не такъ: здѣсь мужики и бабы всѣ перецѣлуются между собою, съ тѣмъ только правиломъ, что мужчины, вѣроятно, какъ высшіе чиномъ, испол-

няютъ это первые. Во все время церемоніи поклоновъ и цѣлованія пѣніе продолжается; по окончаніи ея опять молитва, потомъ опять пѣніе, наконецъ, заключительная молитва и — конецъ. Тутъ пресвитеръ обыкновенно приглашаетъ собраніе приходить тогда-то: «завтра, братцы, около полудня собирайтесь опять, помолимся Господу Богу». При разборѣ шапокъ я слышалъ такія книжныя выраженія: «а гдѣ-то моя *риза ветхая* или *риза сотлая*» — дѣло шло объ отысканіи своего кафтанишка въ общей грудѣ снятаго верхняго платья. Припоминаю одно обыкновеніе, очень деликатное, о которомъ забылъ упомянуть: во время богослуженія запоздавшіе входятъ не поодиночкѣ, а группами, собираясь предварительно за дверями; они входятъ въ избу въ одинъ изъ промежутковъ между пѣніемъ или чтеніемъ, останавливаются у дверей и читаютъ про себя молитву; всѣ присутствующіе встаютъ со своихъ мѣстъ и также тихо произносятъ молитву. Затѣмъ обоюдный низкій поклонъ, и богослуженіе продолжается.

Во время чтенія и толкованій писанія пресвитеромъ, помощники его дѣлаютъ добавленія и поясненія, а слушатели, въ случаѣ непониманія чего-либо, свободны переспрашивать.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о крещеніи, я спросилъ: почему вы, молокане, не креститесь водою? вѣдь Христосъ показалъ на себѣ примѣръ этому и самъ такъ крестился?

— Христосъ-то точно что такъ крестился, да это только для порядка: а въ писаніи-то, батюшка, что сказано? Іоаннъ Креститель говоритъ: «я крещу васъ водою, а грядетъ по мнѣ, Которому я недостоинъ развязать ремня у сапога.—Тотъ будетъ крестить водою и огнемъ»: такъ если теперь принять крещеніе водою, надобно принять и крещеніе огнемъ, — а это что же будетъ-то?.. Можно замѣтить изъ выбора псалмовъ и текстовъ для поученій, что молокане даютъ большую силу тому догмату христіанства, что Господь милосердъ безконечно и что нѣтъ того прегрѣшенія, словомъ, дѣломъ или мыслію содѣланнаго, которое не могло бы быть заглажено покаяніемъ. Они идутъ даже дальше и говорятъ: «Не согрѣшишь, такъ и не покаешься, а не покаешься — не получишь св. Духа и не спасешься». Этотъ вожделѣнный св. Духъ только и сходитъ на человѣка въ моментъ покаянія: у чистыхъ молоканъ общеніе съ нимъ человѣка почти не сказывается видимо, развѣ только повздыхаетъ счастливецъ, а то и всплакнетъ, когда почувствуетъ отъ молитвы облегченіе въ земныхъ скорбяхъ.

У прыгуновъ не такъ. У этихъ покаявшійся и чувствующій въ себѣ духа считаетъ долгомъ высказать восторженное состояніе своей души: начинаетъ его сначала подергивать и шатать, какъ пьянаго; потомъ всѣ топаютъ, скачутъ, вертятся, прыгаютъ на

лавки, даже на столъ; а то схватятся за столъ, налягутъ на него да и таскаютъ по хатѣ—и мужчины и женщины—женки бѣсятся еще больше мужчинъ. Азартъ этотъ, пожалуй, будетъ понятенъ, если принять во вниманіе, что прыгуны большею частью народъ молодой, которому тяжелы пуританскія правила секты, запрещающія всякій намекъ на свѣтское веселье: пѣнье, пляску и т. п. Такъ или иначе они наквитываютъ это лишеніе и, какъ видно, съ лихвою; къ тому же, надобно знать, что молятся молоканы очень долго: бдѣнія ихъ продолжаются по четыре, по пяти и болѣе часовъ сряду, и это въ жаркой душной избѣ, въ глухую ночь, послѣ тяжелаго трудоваго дня—тутъ не трудно не только временно забыться, но и совсѣмъ сойти съ ума.

Прихожу я на *бдѣніе прыгуновъ*; время было уже за полночь. Въ избѣ жара—что въ банѣ, и почти темно: горитъ одна заплывшая свѣча. Весь народъ, тѣсно сжавшись одинъ подлѣ другого, лежитъ на полу ничкомъ, только пресвитеръ стоитъ, скрестивъ руки и опустивъ голову на грудь, тихо читаетъ молитвы. Торжественно и явственно раздаются его слова: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, слава Отцу и Сыну и Св. Духу»... За тѣснотою нѣкоторые изъ молящихся стоятъ по лавкамъ, изнеможенно облокотясь на стѣну, съ растянутыми по стѣнѣ руками и поднятою кверху головою... Одинъ, на лавкѣ же стоя, уткнулъ лицо въ

уголъ—и плачетъ тихо, горько заливается... Время отъ времени изъ середины молящихся раздаются громкіе тяжелые вздохи и явственно произносятся слова: «О, Господи! за что наказуешь, Господи! за что они бьютъ-то меня! сами-то не знаютъ... О! о! у! у! у!»... Въ другомъ мѣстѣ кто-то громко зарыдалъ и долго, долго потомъ всхлипывалъ... Вдругъ одинъ изъ лежавшихъ на полу вскакиваетъ, поднимаетъ руки и голову кверху и такъ остается, какъ прикованный — это онъ покаялся и объявляетъ о своей готовности *летѣть на Сіонъ* — недостаетъ только крыльевъ. Болѣе часу продолжалось при мнѣ такое бдѣніе; потомъ всѣ какъ-то разомъ поднялись и запѣли *новыя пѣсни*, сначала довольно тихо, но далѣе, съ учащеніемъ напѣва, все съ бо́льшими и бо́льшими движеніями тѣла... Вижу, одинъ парень, до сихъ поръ стоявшій смирно, вдругъ бѣшено топнулъ ногой, встряхнулъ волосами и началъ качаться изъ стороны въ сторону. Я думалъ онъ упадетъ, но дѣтина мой не только не упалъ, но еще началъ выкидывать ногами и всѣмъ тѣломъ разные фокусы. Скоро все собраніе заходило — стонъ пошелъ по хатѣ: скаканье, топанье, взвизгиванья бабъ, руками всѣ размахиваютъ, лица пресвирѣпыя. Я сжался въ уголокъ, просто страшно сдѣлалось, кажется, вотъ, вотъ сейчасъ пришибутъ... Наконецъ, какой-то, расходившійся, какъ говорится, до чортиковъ, сшибъ

кулакомъ свѣчу со стола, въ избѣ сдѣлалось темно... впрочемъ, огонь появился тотчасъ же.

Какъ особенно сильный аргументъ въ защиту *восторговъ* при молитвѣ, приводится молоканами примѣръ пророка Давида, пѣвшаго, плясавшаго и игравшаго на гусляхъ передъ ковчегомъ завѣта... Въ деревнѣ *Новой Саратовкѣ*, гдѣ я также останавливался, желаніе болѣе точнаго подражанія любимому пророку привело прыгуновъ къ мысли раздобыться и гуслями, но такъ какъ гуслей достать не могли, то замѣнили ихъ барабаномъ и, такимъ образомъ, славили Бога «въ пѣсняхъ и тимпанахъ», такъ какъ послѣднее слово по выговору подходитъ къ барабану. Въ бытность мою въ Саратовкѣ барабанъ этотъ уже не существовалъ: онъ произвелъ такой соблазнъ, что даже сами сторонники этого нововведенія рѣшились его уничтожить во избѣжаніе раздора и раздѣленія.

Какъ я уже говорилъ выше, у прыгуновъ есть избранники, которые, находясь *подъ духомъ*, говорятъ разными языками. Мнѣ не случалось слышать такихъ вдохновенныхъ рѣчей, но говорили другіе, слышавшіе, что бормочется въ этихъ случаяхъ страшная чепуха, — иного, разумѣется, и нельзя ожидать отъ людей едва грамотныхъ.

— Да какъ же вы можете повѣрять ихъ,—спрашиваю я:—вѣдь у васъ, кромѣ какъ по-татарски да

по-армянски, не говорятъ ни на какихъ языкахъ: можетъ, они вамъ говорятъ просто какую-нибудь чушь?

— Точно, что мы не говоримъ, но только если духъ кого умудритъ, такъ тотъ можетъ, потому это сходитъ на него отъ Бога.

Замѣчательно толкованіе, по которому языкознатели эти будутъ нужны имъ со временемъ, когда устроится *сіонское царство* изъ разныхъ народовъ, и гдѣ молокане будутъ первыми избранниками. Что это будетъ за царство — они видимо не понимаютъ и не разъясняютъ себѣ, но идея о немъ крѣпко вкоренилась въ умы. Одинъ *пророкъ* *), или вождь прыгуновъ (прехитрый мужикъ, знающій наизусть всѣ главныя мѣста ветхаго и новаго завѣта) объяснилъ мнѣ идею объ этомъ царствѣ слѣдующимъ образомъ:

«Сіонъ гора (Апокалипсисъ. 21 глава) — это вѣчный Сіонъ, но будетъ еще видимый Сіонъ (Апокалипсисъ, глава 20), царство, набранное изъ народа Божія, въ которомъ будетъ царствовать самъ Христосъ; мѣсто этого будущаго царства еще неизвѣстно.

---

*) *Пророкъ — вождь* или *чтецъ слова Божія*, главный блюститель „Божьяго стада". Общество прыгуновъ цѣлой деревней имѣетъ обыкновенно одного только пророка. За пророкомъ слѣдуетъ *пресвитеръ*, или наставникъ; у пресвитера, какъ сказано выше, есть помощники — кандидаты на это мѣсто послѣ смерти самого наставника.

но что оно будетъ — это вѣрно; вѣрно также и то, что въ него попадутъ только избранные. Вокругъ этого Сіона будетъ Новый Іерусалимъ—изъ всякаго народа, всѣхъ языковъ и племенъ».

По поводу этого Сіона разсказывали мнѣ такой случай: «Прихожу я,—говоритъ разсказывавшій,—вечеромъ во время богослуженія въ избу къ прыгунамъ и, между прочимъ, вижу, что въ темнотѣ на печкѣ что-то шевелится; разглядываю—оказывается, что это ворочается съ боку-на-бокъ мужикъ уже пожилой, весь голый и претолстый. Я, говоритъ, думалъ, что это какой нибудь юродивый, но мнѣ объяснили, что «онъ *перится*».

— Какъ такъ перится?

— Ну, значитъ, ослободился отъ грѣха (покаялся) и проситъ у Бога крыльевъ на Сіонъ летѣть.

Когда я передалъ этотъ разсказъ нѣсколькимъ бесѣдовавшимъ со мною наставникамъ прыгуновъ, они смѣялись и повторяли обычную фразу, что это все по ненависти выдумываютъ на нихъ: «бываетъ, правда, что если кто чувствуетъ духа въ себѣ, такъ поднимаетъ руки кверху, какъ будто то-есть готовится переселиться отъ міра и грѣха, куда Господь прикажетъ, а что догола — не раздѣваются». Эти поднятія рукъ я часто видѣлъ и только удивлялся, какъ они не устаютъ держать ихъ въ такомъ положеніи чуть не по цѣлому часу.

Сказываютъ молокане, что если который-либо изъ членовъ собранія согрѣшитъ и не покается, то Духъ Святый непремѣнно открываетъ кому-нибудь изъ присутствующихъ во время молитвы грѣхъ ихъ собрата; тотъ сообщаетъ объ этомъ пресвитеру, и виновнаго въ такихъ случаяхъ увѣщеваютъ міромъ: примѣровъ этому, говорятъ они, у насъ много. Въ случаѣ какихъ-либо проступковъ по плоти или другихъ домашнихъ грѣховъ, виновнаго не допускаютъ, смотря по винѣ, или только до общественнаго цѣлованія, или и до самой молитвы въ собраніи.

Всякій, поступающій въ общину прыгуновъ, долженъ прежде всего принести покаяніе передъ пресвитеромъ и обѣщать впредь по возможности воздерживаться отъ грѣха. Затѣмъ, въ слѣдующее же собраніе пресвитеръ объявляетъ, что «вотъ-дескать, братцы, такой-то покаялся и проситъ у Бога Св. Духа». Для испрошенія новопоступающему этой благодати всѣ прежде покаявшіеся и уже получившіе Духа— такъ называемый *священный хоръ*—возлагаютъ на него руки, по примѣру апостоловъ, и надѣляютъ его видимымъ знакомъ, напримѣръ, пояскомъ, который тотъ постоянно и носитъ на себѣ.

Обряды молоканскаго вѣроученія очень просты. Крестятъ ребенка такъ: соберутся, прочитаютъ приличныя обстоятельству молитвы, попоютъ, нарекутъ младенцу имя, обыкновенно того святого, память

котораго празднуется въ день рожденія, и затѣмъ— покушаютъ міромъ.

Обрядъ свадебнаго вѣнчанія состоитъ въ чтеніи молитвъ, пѣніи псалмовъ и благословеніи родителей, послѣ этого невѣста вручается жениху, и дѣло съ концомъ.

За свадьбою также, по русскому обыкновенію, слѣдуетъ угощеніе, большее или меньшее—смотря по достатку родителей новобрачныхъ.

Мертвецовъ своихъ молокане сами отпѣваютъ и хоронятъ.

Молокане не пьютъ вина, не курятъ табаку и называютъ его *чортовымъ ладономъ*. Втихомолку, впрочемъ, и то и другое, водка же въ особенности, употребляется.

О молоканахъ говорятъ, что они лукавы и къ этому довольно *плаксы*; что они далеко не такъ прямодушны, какъ ихъ сосѣди духоборцы—это видно съ перваго же знакомства. Мнѣ часто приходилось слышать ихъ жалобы на недостатокъ земли и другія неудобства, хотя живутъ они довольно зажиточно и, кажется, не имѣютъ причинъ быть недовольными льготами.

Многіе молокане изрядно торгуютъ разнымъ сырьемъ; многіе также занимаются извозничествомъ, возятъ товары между Тифлисомъ и прочими городами Закавказья.

Надобно замѣтить, что между ними очень мало неграмотныхъ.

Въ Закавказскій край молокане выселены административнымъ порядкомъ лѣтъ 25 или 30 тому назадъ. Нынче объявлено имъ разрѣшеніе переселяться на старыя мѣста внутри Россіи, но какъ еще не опредѣлены условія, на которыхъ должно состояться это переселеніе, т.-е. неизвѣстно еще какія земли и угодья будутъ имъ отведены, то покамѣсть они держатъ себя осторожно на этотъ счетъ — не торопятся.

Надобно думать, что если будетъ отведено имъ достаточно земли, то многіе уйдутъ изъ Закавказья, съ которымъ не могутъ помириться. Горъ, повидимому, особенно не жалуютъ: «какъ и сравнить! говорятъ: — одно слово, тамъ ровное мѣсто, а здѣсь — вишь какія махины!»

Празднество шiитовъ въ Карабахѣ.

Я подъѣхалъ къ Шушѣ, административному центру Карабахской провинцiи въ Закавказьѣ, поздно вечеромъ; сквозь темноту можно было видѣть только силуэтъ городской стѣны, построенной на верху высокой, крутой горы. Шуша—областной городъ Шушинскаго уѣзда—прежде былъ резиденцiею карабахскихъ хановъ. Это мѣсто довольно хорошо укрѣпленное, потому что съ двухъ сторонъ защищено отвѣсною скалою, а съ остальныхъ—стѣною съ башнями весьма прочной постройки. Подъемъ къ городу очень труденъ; дурная, грубо вымощенная большими каменьями дорога такъ крута, что 5 лошадей съ трудомъ тащили мою повозку. Еще не доѣзжая горы, я видѣлъ, что надъ городомъ появился сильный свѣтъ и слышалъ гулъ отъ какого-то крика; по мѣрѣ того, какъ я приближался, свѣтъ все болѣе и болѣе увеличивался и, наконецъ, обратился какъ

бы въ зарево большого пожара, а тутъ перешелъ въ безпорядочный ревъ многихъ тысячъ голосовъ. Я въѣхалъ въ городъ узкими крѣпостными воротами, и здѣсь картина, подобной которой я никогда ничего не видѣлъ — картина оригинальная, дикая представилась мнѣ: вся площадь буквально, была запружена народомъ, шумящимъ, бѣснующимся и просто глазѣющимъ. Партіями, человѣкъ въ сто вытянувшимися въ линію, татары *прыгали* по площади и прыгали бѣшено, съ дикими возгласами: каждый лѣвою рукою держался за кушакъ своего сосѣда, а въ правой держалъ высоко надъ головою толстую палку, которою съ каждымъ прыжкомъ потрясалъ. Такихъ партіи было три, и впереди каждой мальчишки, наряженные въ какую-то странную смѣсь разнаго тряпья и вывороченныхъ кверху шкуръ, скачутъ, кривляются и бьютъ въ турецкіе барабаны и мѣдныя тарелки подъ общій тактъ криковъ и пляски. Муллы-распорядители поощряютъ словами и жестами прыгающихъ, расталкиваютъ народъ, бранятся; наконецъ, какой-то важный бекъ (бекъ — дворянинъ), повидимому, главный распорядитель, скачетъ въ толпѣ взадъ и впередъ, размахиваетъ шашкою и ругается на чемъ свѣтъ стоитъ. Къ этому гаму примѣшивается еще говоръ и шумъ глазѣющей толпы, ржанье лошадей и проч. Сцена освѣщена огромными нефтяными факелами: въ желѣзныя рѣ-

шетчатыя коробки набросано тряпье, постоянно обливаемое нефтью: сотни этихъ факеловъ, горящихъ сильнымъ пламенемъ, носятся вслѣдъ за прыгающими на высокихъ шестахъ. Въ массѣ скачущихъ на площади отдѣляются группы персіянъ: они не держатся другъ за друга, а на лѣвой рукѣ носятъ, какъ бы собравшись въ дорогу, плащи: они тоже неистово скачутъ во всѣ стороны.

Каждый годъ, въ продолженіе девяти первыхъ дней мѣсяца Мохаррема, справляютъ такимъ образомъ татары свои вечера въ память страданій и мученической кончины имамовъ, почитаемыхъ шіитскимъ толкомъ: десятый день посвященъ памяти самого Гуссейна, перваго имама, сына Алія, внука Магомета. Эти десять дней—время скорби и траура для мусульманъ-шіитовъ: полагается въ эти дни держать строгій постъ, то-есть не ѣсть ничего въ продолженіе дня, съ разсвѣта до сумерекъ; набожные люди не брѣютъ ни лица, ни головы, не курятъ, не ходятъ въ баню, не пускаются въ путешествія, а проводятъ большую часть времени въ благочестивыхъ разговорахъ, которые переводятся прозою татарской жизни въ сплетню. Тѣ, которые дѣйствительно воздерживаются въ продолженіе дня отъ пищи и кальяна, съ избыткомъ вознаграждаютъ это лишеніе въ дозволенное время, то есть обжираются послѣ сумерекъ и до разсвѣта. Въ мечетяхъ за эти дни чи-

таются страницы изъ описанія страданій имамовъ и говорятся на эту тему проповѣди.

Эти страданія имамовъ служатъ также содержаніемъ для мистеріи или драмы, разыгрываемой частію въ первые девять дней, частію и съ особеннымъ торжествомъ на десятый день. Согласно древнему обычаю, вся драма должна была бы разыгрываться въ послѣдній день, но для облегченія какъ самихъ актеровъ, такъ и зрителей, представленіе дается отдѣльными дѣйствіями въ продолженіе многихъ дней.

Въ Шушѣ дѣло велось такимъ образомъ: при мечети, въ товарномъ караванъ-сараѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, гдѣ есть большой дворъ, окруженный зданіями, устраиваются подмостки. Дѣйствующія лица набираются изъ желающихъ горожанъ, а для главныхъ ролей часто выписываютъ актеровъ изъ Персіи, гдѣ, какъ въ главномъ гнѣздѣ шіитства, есть недурные мастера этого дѣла. Главный распорядитель представленій завѣдуетъ и костюмировкою, которая оригинальна и фантастична, но довольно произвольна; странно, напримѣръ, видѣть въ группѣ актеровъ, разодѣтыхъ въ кольчуги, шлемы и со щитами въ рукахъ — одного одѣтаго въ современный русскій чиновничій вицъ-мундиръ, со старою пуховою шляпою на головѣ. Мнѣ объяснили, что эта смѣшная фигура представляетъ французскаго посланника (по преданію присутствовавшаго при нѣкото-

рыхъ изъ представляемыхъ событій). Другой актеръ представляющій арабскаго калифа, преважно возсѣдаетъ въ старой французской кавалерійской каскѣ, съ длинною прядью конскихъ волосъ на гребнѣ. Всѣ женскія роли исполняются мужчинами, закутанными въ платки и шали до самыхъ глазъ, т.-е. такъ, какъ это принято у туземокъ. Дворъ, на которомъ дается представленіе, биткомъ наполняется народомъ, верхнія галлереи каравань-сарая женскими чадрами.

Актеры разстанавливаются и разсаживаются на платформѣ полукругомъ; каждый держитъ въ рукахъ маленькую тетрадку, по которой и читаетъ свою роль, обыкновенно жалобнымъ голосомъ, нараспѣвъ. Помню одного актера изъ Персіи, исполнявшаго роль убійцы пророка: онъ декламировалъ съ большимъ одушевленіемъ, сильнымъ, звучнымъ голосомъ; присутствовавшіе буквально электризировались его словами. Вообще представленія эти производятъ на толпу сильное дѣйствіе: раздаются со всѣхъ сторонъ плачъ и рыданія, а при нѣкоторыхъ сценахъ, особенно трогательныхъ, какъ, напримѣръ, когда молодой имамъ, послѣдній родственникъ Гуссейна, оставшійся въ живыхъ, передъ выходомъ на битву прощается съ матерью и родными, стоны и вопли поднимаются такіе, что заглушаютъ и прерываютъ ходъ дѣйствія. Я видѣлъ около себя сѣдыхъ стариковъ, которые плакали и рыдали какъ дѣти. О женщинахъ и го-

ворить нечего: онѣ заливаются, мечутся и рвутся во все продолженіе представленія. Можно сомнѣваться въ полной искренности такой необыкновенной горести: вѣроятно, не малую роль играетъ тутъ увѣренность шіитовъ въ томъ, что *каждая слеза, пролитая при этомъ случаѣ, смываетъ цѣлыя горы грѣховъ.*

Въ продолженіе помянутыхъ девяти дней татары ходятъ процессіями по городу, поютъ разные жалобные гимны и бьютъ себя въ грудь подъ тактъ общаго напѣва. Съ наступленіемъ вечера, какъ я уже говорилъ выше, съ разныхъ концовъ города начинаютъ сходиться на площадь партіи прыгающихъ и бѣснуются такимъ образомъ до поздней ночи. Такъ выказываютъ татары свою печаль и въ то же время готовность стоять за свою вѣру и имамовъ, или, такъ какъ имамы уже перешли въ вѣчность, то пускай, дескать, знаетъ міръ, какъ защищали бы мы ихъ, если бы они жили и страдали въ наше время...

До послѣднихъ годовъ эти ночныя собранія были запрещены правительствомъ потому что они часто вели къ кровопролитіямъ, вотъ по какой причинѣ: въ каждомъ татарскомъ городѣ непремѣнно есть партіи, происхожденіе которыхъ теряется въ далекомъ прошломъ; онѣ сами не разъясняютъ себѣ какъ слѣдуетъ причину недоразумѣній между собою и перемѣшиваютъ неурядицы своей исторіи съ современными житейскими дрязгами и интригами дня. Такъ, въ

Шушѣ потомки партій, враждовавшихъ когда-то изъ-за двухъ претендентовъ на персидскій престолъ, Гойдари и Неэмети (страна принадлежала Персіи), переименовались просто въ губернаторцевъ и противогубернаторцевъ; тѣмъ не менѣе, они и теперь при удобномъ случаѣ не прочь подраться между собою, точно такъ же, какъ дрались ихъ предки. Эти воинственныя наклонности хорошо извѣстны мѣстной власти, которая обыкновенно почетно выпроваживаетъ съ мѣста сборища одну партію въ то время, какъ гиканья другой возвѣщаютъ о ея приближеніи. Мнѣ разсказывали о случаѣ въ одномъ городѣ Закавказья, гдѣ послѣ одного такого ночного праздества, кромѣ увѣчныхъ и раненыхъ, осталось на мѣстѣ нѣсколько десятковъ убитыхъ.

Передъ тѣмъ какъ перейти къ послѣднему, десятому, дню праздниковъ, скажу нѣсколько словъ объ исторической основѣ ихъ.

«Имамъ Гуссейнъ (сынъ Алія, двоюрднаго брата Магомета, женатаго на дочери пророка Фатьмѣ), жившій въ Railinѣ и давно уже втайнѣ преслѣдуемый арабскимъ халифомъ Езидомъ за привязаность къ нему народа, наконецъ возсталъ противъ этого халифа; ему удалось поднять жителей преданнаго ему города Кюфа и собрать войско, но возстаніе было скоро подавлено, и самъ Имамъ, оставленный почти всѣми приверженцами, загнанъ въ пустыню

на берегъ Евфрата, гдѣ всѣ его дѣти и родственники, за исключеніемъ одного больного сына, послѣ подвиговъ высокой храбрости, пали одинъ за другимъ въ слишкомъ неравной борьбѣ: тѣла ихъ подверглись поруганію непріятеля, имущество—разграблено, а жены и родственницы Гуссейна вмѣстѣ съ головами убитыхъ, воткнутыми на пики, доставлены въ Шамъ (Дамаскъ) къ халифу Езиду. Девять дней продолжалась неравная борьба съ войскомъ суннитовъ; послѣднимъ—на десятый день—сложилъ свою голову и храбрѣйшій изъ храбрыхъ, самъ Гуссейнъ. Смертные останки его были впослѣдствіи похоронены на мѣстѣ, названномъ Кербелай (кербъ и бела—земля печали и горя), сдѣлавшимися великою святынею, главнымъ мѣстомъ поклоненія шіитовъ» *).

Память этихъ-то десяти дней и справляется ежегодно молитвою, постомъ и тѣми церемоніями, о которыхъ идетъ рѣчь. Празднество десятаго дня отличается особенною торжественностью. Огромная процессія, сопровождаемая всѣмъ населеніемъ, выходитъ за городъ, гдѣ располагается на лугу слушать и смотрѣть представленіе послѣдняго дѣйствія кровавой драмы, когда-то разыгравшейся на берегахъ Евфрата, съ тѣхъ поръ прикрашенной и получившій легендарный характеръ.

*) Изъ опасенія слишкомъ удлинить статью, опускаю политическія и небезынтересныя подробности этого событія.

Одинъ изъ процессіи.

Въ толпѣ народа на городской площади въ Шушѣ ожидалъ я зрѣлища, подобнаго которому по фанатизму и дикости, вѣроятно, не сохранилось въ наше время ничего и нигдѣ. Протяжные крики: Гуссейнъ! Гуссейнъ! дали знать о приближеніи процессіи, которая вскорѣ и показалась. Впереди тихо двигаются *рѣжущіеся*: нѣсколько сотъ человѣкъ идутъ въ двѣ шеренги, держась лѣвою рукою одинъ за другого; въ правой у каждаго по шашкѣ, обращенной остріемъ къ лицу. Кожа на головахъ фанатиковъ изсѣчена этими шашками, кровь льется изъ ранъ буквально ручьями, такъ что лицъ не видно подъ темно-красной корой запекшейся на солнцѣ крови, только бѣлки глазъ да ряды бѣлыхъ зубовъ выдѣляются на этихъ сплошныхъ кровяныхъ пятнахъ. Нельзя безъ боли смотрѣть на рѣжущихся такимъ образомъ малолѣтнихъ, идущихъ въ общей шеренгѣ, въ головѣ шествія. У каждаго обвязана кругомъ шеи бѣлая накрахмаленная простыня; накрахмалена она для того, чтобы не пропускала кровь на платье, а крови на простыняхъ довольно, лучше сказать, онѣ залиты ею сверху до низу.

Въ серединѣ между рядами рѣжущихся идутъ главные герои дня, ищущіе чести уподобиться своими страданіями самому Гуссейну — полунагіе фанатики, израненные воткнутыми въ тѣло разными острыми предметами. Передняя сторона головы та-

кого мужа украшена, наподобіе зубцовъ короны, тонкими деревянными палочками, заткнутыми за кожу по лбу и на скулахъ, до ушей; тутъ же затыкаются небольшіе замочки; эти замочки и еще небольшія же складныя зеркальца нанизаны по рукамъ, на груди и на животѣ. Зеркальцы затыкаются

Рѣжущійся.

за кожу небольшими проволочными крючками. На груди и на спинѣ привязаны къ тѣлу, концами накрестъ, по два кинжала, и привязаны такъ плотно, что одного неловкаго движенія достаточно для того, чтобы лезвіе вошло въ тѣло. Съ боковъ, поперекъ корпуса, двѣ шашки, также не безопасно расположенныя лезвіемъ по тѣлу; на концы шашекъ накидываются мѣдныя цѣпочки или тяжелыя желѣзныя цѣпи—то или другое, смотря по усердію. Кромѣ того, всюду по тѣлу натыканы желѣзныя и деревянныя, длинныя и короткія палочки, болѣе или менѣе подвязанныя къ тѣлу, для уменьшенія боли; желающіе попарадировать передъ народомъ, не нанося себѣ большого вреда, очень легко или и вовсе не затыкаютъ за кожу всѣ эти предметы и такъ ловко подвязываютъ ихъ, что издали они имѣютъ видъ входящихъ въ тѣло. Кающихся этого второго разряда, т. е. съ утыканною кожею, вообще бываетъ гораздо меньше, нежели рѣжущихся, человѣкъ 5, 6, не болѣе, и надобно думать, что они страдаютъ менѣе первыхъ, изъ которыхъ многіе на моихъ глазахъ падали безъ чувствъ или выводились своими родственниками изъ рядовъ въ состояніи полнаго изнеможенія.

За этими вѣрными идетъ толпа народа, избравшаго себѣ благую часть — отдѣлываться въ общемъ покаяніи однимъ трауромъ. Черные или фіолетовые

траурные архалуки ихъ растегнуты на груди, по которой они бьютъ себя, при чемъ вторятъ общему крику. Нѣкоторые ударяютъ себя не просто ладонями, а большими тяжелыми кирпичами: бѣдная грудь дѣлается пунцовою отъ ударовъ, и народъ тѣснится, толпится около этихъ изувѣровъ: «вотъ они, наши праведные, опоры нашего благочестія...» Одинъ дервишъ, въ абѣ и въ остроконечной шапкѣ со священными подписями, навѣсилъ себѣ на шею цѣпей и веревку съ огромнымъ камнемъ, совсѣмъ согнувшимъ его спину; женщины, слѣдующія за процессіею, наперерывъ прорываются къ нему, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на праведника. Впрочемъ, дервиши, по большей части, избираютъ себѣ въ эти дни болѣе спокойное занятіе: они разстилаютъ коврики по дорогѣ, раскладываютъ на нихъ четки, камешки и проч. бездѣлушки изъ Кербелаи и другихъ св. мѣстъ, а сами, разсѣвшись около, вопятъ, размахиваютъ руками и просто требуютъ у проходящихъ милостыни *божьимъ людямъ*.

Далѣе въ процессіи несутъ на плечахъ четыреугольный остроконечный ковчежецъ, увѣшанный шалями и зеркалами; поперекъ носилокъ лежитъ человѣкъ въ богатомъ платьѣ—это убитый молодой имамъ. Множество народа поддерживаетъ носилки, каждый считаетъ за счастье хоть прикоснуться къ нимъ. Молодой имамъ, племянникъ Гуссейна, едва умолилъ своего дядю

отпустить его на битву, и тотъ передъ тѣмъ какъ отправить его на вѣрную смерть, исполнилъ свое давнишнее желанiе, обручилъ его со своею дочерью —

Молодой имамъ, убитый.

вотъ почему слѣдомъ за ковчежцемъ несетъ татаринъ, на бритой головѣ, росписанный лотокъ съ атрибутами свадебнаго обряда.

Далѣе идетъ воинъ, въ шлемѣ и кольчугѣ, перевязанной шалями; онъ несетъ въ правой рукѣ красивый топорикъ — это военачальникъ халифа, совершившій избіеніе имамовъ. За нимъ ведутъ лошадь Гуссейна въ золотой сбруѣ и богато-расшитомъ сѣдлѣ. Сѣдло утыкано стрѣлами, также какъ и вся лошадь, только на послѣдней стрѣлы замѣнены свернутыми бумажками, прилѣпленными краснымъ, изображающимъ кровяныя пятна воскомъ.

Затѣмъ несутъ съ большою честью и самого Имама Гуссейна — чучелу безъ головы, одѣтую въ богатое платье; на мѣстѣ шеи вставлено между одеждами нѣсколько коровьихъ позвонковъ, съ окровавленнымъ мясомъ. Вся грудь убитаго утыкана стрѣлами и, къ ней привязаны два живыхъ голубя изображающихъ невинность. На этихъ же носилкахъ стоитъ на колѣняхъ мальчикъ, весь съ головой закутанный въ бѣлый саванъ, испятнанный кровью; для глазъ продѣланы отверстія въ одеждѣ, а къ мѣсту рта пришитъ длинный красный языкъ— для означенія жажды, которую претерпѣвалъ имамъ и все его семейство; мальчикъ держится руками за голову и поминутно припадаетъ къ ногамъ убитаго Гуссейна. Новыя толпы народа съ рыданіемъ слѣдуютъ за этою святою ношей. Затѣмъ ѣдутъ муллы и актеры; эти послѣдніе въ полныхъ костюмахъ и вооруженія. Народъ валитъ за процессіею густою

толпою, женщины и мужчины, конные и пѣшіе. Двери, окна и балконы сосѣднихъ домовъ, также и городская стѣна, усѣяны народомъ. Наконецъ, процессія выходитъ за городъ, гдѣ на лугу устраивается кругъ для представленія. Рѣжущіеся усаживаются впереди другихъ, по внутренней линіи круга, за ними остальной народъ, позади всѣхъ конные. Начинается представленіе и съ нимъ плачъ и вопли зрителей. Для большей торжественности къ представленію этого дня приглашается русская полковая музыка, плохо гармонирующая съ характеромъ всей обстановки. Еще болѣе неэффектную роль играютъ донскіе казаки, пополняющіе, за недостаткомъ актеровъ, число убійцъ имамовъ. Съ этими казаками, которые обыкновенно заканчиваютъ представленіе атакою, вышелъ при мнѣ пресмѣшной случай. Молодой имамъ, вышедши на битву съ своими врагами, обращаетъ всѣхъ ихъ въ бѣгство и казаки, представлявшіе воиновъ Езида, должны были такимъ образомъ отступить передъ 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ! Должно быть это имъ не понравилось, потому что, вмѣсто отступленія они такъ поприжали юношу, что тотъ, въ свою очередь, далъ тягу. Ходъ дѣйствія нарушился, и весь народъ началъ высказывать свое неудовольствіе: со всѣхъ сторонъ кричали казакамъ, что имъ надобно отступить, бѣжать — не тутъ-то было: они вошли въ задоръ и вложили сабли свои

въ ножны только тогда, когда лошадей ихъ схватили подъ уздцы и вывели изъ круга.

Съ окончаніемъ представленія оканчиваются и всѣ церемоніи этихъ праздниковъ. Говорятъ, что прежде народъ считалъ своею обязанностью при шабашѣ поколотить всѣхъ представлявшихъ убійцъ имамовъ, такъ что даже трудно было находить желающихъ исполнять роли этихъ послѣднихъ. Нынче это вывелось.

Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи.

...Нѣсколько словъ о невольничьихъ караванъ-сараяхъ и торговлѣ рабами. Правда, что ни невольничьихъ караванъ-сараевъ, ни торговли рабами теперь уже не существуетъ въ Ташкентѣ, тѣмъ не менѣе, сказать кое-что по этому поводу будетъ, думаю, не излишне и небезынтересно. Зданія для этой торговли въ городахъ Средней Азіи устраиваются такъ же, какъ и всѣ караванъ-сараи: только раздѣляются они на большее число маленькихъ клѣтушекъ, съ отдѣльною дверью въ каждую; если дворъ большой, то посрединѣ его навѣсъ для вьючнаго скота; тутъ же, большею частью, помѣщается и продажный людъ, между которымъ малонадежные привязываются къ деревяннымъ столбамъ навѣса. Народу всякаго на такихъ дворахъ толкается обыкновенно много: кто покупаетъ, кто просто глазѣетъ.

Покупающій разспроситъ *товаръ*: что онъ умѣетъ дѣлать, какія знаетъ ремесла и т. п. Затѣмъ пове-

деть въ каморку и тамъ при хозяинѣ осмотрить, нѣть ли какихъ-нибудь тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней. Женщины молодыя, большею частью, на дворѣ не выставляются, а смотрятся въ каморкахъ и осматриваются не самимъ покупателемъ, а опытными пожилыми знахарками.

Цѣны на людей, разумѣется, различны, смотря по времени и большему или меньшему приливу «товара». Подъ осень, обыкновенно, торгъ этотъ идеть шибче, и въ городѣ Бухарѣ, напримѣръ, подъ это время въ каждомъ изъ десятка имѣющихся тамъ невольничьихъ каравань-сараевъ бываеть, какъ мнѣ говорили, отъ 100 до 150 человѣкъ, выставленныхъ на продажу. Такъ какъ больше всего доставляють рабовъ Средней Азіи несчастныя, смежныя съ туркменскими племенами персидскія границы, то удачи или неудачи охотничьихъ подвиговъ туркменцовъ, въ этихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, устанавливають цѣну на рабовъ въ Хивѣ, Бухарѣ и Кокандѣ; но иногда войны и неизбѣжныя при этомъ обращенія въ рабство всѣхъ плѣнныхъ, если они не мусульмане сунитскаго толка (въ противномъ случаѣ, захвать и перепродажа всѣхъ рабовъ побѣжденной стороны), значительно и разомъ на всѣхъ этихъ рынкахъ измѣняють цѣны: въ такихъ случаяхъ человѣкъ идеть за очень дешевую цѣну — за нѣсколько десятковъ рублей, иногда даже за 10 р.

Вообще, мужчинъ въ продажѣ гораздо больше, чѣмъ женщинъ, между прочимъ, потому, что тура-

Торговецъ рабами.

мены, продавая охотно мужчинъ, больше удерживаютъ у себя женщинъ. Красивая молодая женщина стоитъ очень дорого, рублей до 1 000 и болѣе.

Въ хорошей цѣнѣ также стоятъ хорошенькіе мальчики: на нихъ огромный спросъ во всю Среднюю Азію. Мнѣ случалось слышать разсказы бывшихъ рабовъ персіянъ о томъ, какъ маленькіе еще они были захвачены туркменами: одни въ полѣ на работѣ вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, другіе просто на улицѣ деревни, среди бѣлаго дня, при безсильномъ воѣ и крикѣ трусливаго населенія. Исторіи слѣдующихъ, затѣмъ, странствованій перехода этихъ несчастныхъ изъ рукъ разбойника туркмена въ руки торговца рабами и отсюда въ дома купившихъ ихъ крайне печальны, и нельзя не порадоваться, что, благодаря вмѣшательству русскихъ, этотъ грязный омутъ сталъ видимо прочищаться.

Вліяніе русское на торговлю рабами сказалось въ трехъ наиболѣе выдающихся фактахъ: во-первыхъ, вообще уменьшилось число рабовъ, потому что во всей присоединенной къ Россіи странѣ они сдѣлались свободными; во-вторыхъ, вообще уменьшился спросъ на новыхъ рабовъ, потому что во всѣ эти новопріобрѣтенныя страны нѣтъ болѣе сбыта ихъ, а въ такіе города, какъ Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ и другіе, сбытъ ихъ былъ не малъ; въ-третьихъ, торговля эта значительно упала, уменьшилась въ размѣрѣ и во всѣхъ сосѣднихъ варварскихъ государствахъ Средней Азіи по тому простому и не лишенному смысла предположенію, что русскіе не сегодня-завтра, мо-

гутъ пожаловать въ каждый изъ нихъ, и такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ хорошо знають, что рабовъ русскіе немилосердно освобождають, то и всѣ покупки и сдѣлки этого рода принимають теперь малонадежный, неблагодарный видъ.

Но не одни только, такъ сказать, офиціальные рабы вздохнули теперь свободнѣе: всякаго рода бѣдность и загнанность начинають смѣло смотрѣть въ глаза капиталу, знати, могуществу, чувствующимъ отъ того немалое смущеніе.

А другой сортъ рабовъ, который не поименованъ такъ обидно ни въ одномъ учебникѣ, но который тѣмъ не менѣе представляетъ самый ужасный видъ невольничества матери, жены, дочери средне-азіатскихъ дикарей, развѣ не испытывають медленнаго, но неотразимаго вліянія на ихъ положеніе и судьбу кяфирскихъ («кяфиръ»—невѣрный) законовъ и всѣхъ кяфирскихъ порядковъ? Безъ сомнѣнія, *да*, и чтобы не ходить далеко, достаточно послушать осторожныя, но горькія жалобы, которыя изливаетъ въ бесѣдѣ со мною хозяинъ моего дома, старикъ аксакалъ. «Послѣдніе дни приходятъ!» говоритъ онъ и машетъ отчаянно рукою.—Что такъ?—«Да какъ же! чего же еще ожидать, и жену свою мужъ не поучи: станешь бить—стращаетъ, что къ русскимъ уйдетъ»... Въ самомъ дѣлѣ, какъ не смутиться азіатцу, когда его собственность, его вещь, правильно пріобрѣтенная,

законно закабаленная, начинаетъ заявлять о какихъ-то своихъ правахъ и, прежде всего, о правѣ не быть по произволу битою! какъ не огорчиться такимъ расколомъ и какъ не угадать виновниковъ всей этой ереси!..

О незаслуженно-униженномъ положеніи восточной женщины было уже говорено не мало многимъ множествомъ путешественниковъ, и здѣсь повторять общихъ мѣстъ не буду; скажу только, что судьба женщины въ Средней Азіи, говоря вообще, еще печальнѣе судьбы ея сестры въ болѣе западныхъ странахъ, каковы Персія, Турція и другія. Еще ниже, чѣмъ у послѣднихъ, ея гражданское положеніе, еще сильнѣе замкнутость и отверженность отъ ея властителя-мужчины, еще тѣснѣе ограниченіе дѣятельности одною физическою, животною стороною, если можно такъ выразиться. Съ колыбели запроданная мужчинѣ, неразвитымъ, неразумнымъ ребенкомъ взятая имъ, она, даже въ половомъ отношеніи, не живетъ полною жизнью, потому что къ эпохѣ сознательнаго зрѣлаго возраста уже успѣваетъ состарѣться, задавленная нравственно ролью самки и физически работою вьючной скотины. Все умственное движеніе, все развитіе можетъ сказываться, поэтому, только въ самыхъ низшихъ проявленіяхъ человѣческаго ума—въ интригѣ, сплетнѣ и т. п., за то и удивляться нечего, что онѣ интригуютъ, сплетничаютъ...

Такое крайне униженное положеніе женщинъ составляетъ главную причину, между прочимъ, одного ненормальнаго явленія, какимъ представляется здѣшній «батча». Въ буквальномъ переводѣ «батча» — значитъ мальчикъ; но такъ какъ эти мальчики исполняютъ еще странную и, какъ я уже сказалъ, не совсѣмъ нормальную роль, то и слово «батча» имѣетъ еще другой смыслъ.

Въ батчи-плясуны поступаютъ обыкновенно хорошенькіе мальчики, начиная лѣтъ съ восьми, а иногда и болѣе. Изъ неразборчивыхъ на способъ добыванія денегъ родителей, ребенокъ попадаетъ на руки къ одному, къ двумъ, иногда и многимъ поклонникамъ красоты, отчасти немножко и аферистамъ, которые, съ помощью старыхъ окончившихъ свою карьеру плясуновъ и пѣвцовъ, выучиваютъ этимъ искусствамъ своего питомца и, разъ выученнаго, нянчатъ, одѣваютъ, какъ куколку, нѣжатъ, холятъ и отдаютъ за деньги на вечера желающимъ для публичныхъ представленій.

Такія публичныя представленія — «тамаша», мнѣ случалось видѣть много разъ; но особенно осталось въ памяти первое мною видѣнное, бывшее у одного богатаго купца С. А.

«Тамаша» даются почти каждый день въ томъ или въ другомъ домѣ города, а иногда и во многихъ разомъ, передъ постомъ главнаго праздника байрама,

когда бываетъ наиболѣе всего свадебъ, сопровождающихся обыкновенно подобными представленіями. Тогда во всѣхъ концахъ города слышны стукъ бубенъ и барабановъ, крики и мѣрные удары въ ладоши подъ тактъ пѣнія и пляски батчи. Имѣвъ еще въ городѣ мало знакомыхъ, я просилъ С. А. нарочно устроить «тамашу», и разъ, позднимъ вечеромъ, по увѣдомленію его, что представленіе приготовлено и скоро начнется, мы, компаніею въ нѣсколько человѣкъ, отправились къ нему въ домъ.

Въ воротахъ и передъ воротами дома мы нашли много народа; дворъ былъ набитъ биткомъ; только посерединѣ оставался большой кругъ, составленный сидящими на землѣ, чающими представленія зрителями; все остальное пространство двора—сплошная масса головъ, народъ во всѣхъ дверяхъ, по галлереямъ, на крышахъ (на крышахъ больше женщины). Съ одной стороны круга, на возвышеніи, музыканты—нѣсколько большихъ бубенъ и маленькіе барабаны; около этихъ музыкантовъ на почетное мѣсто усадили насъ, къ несчастью для нашихъ ушей. Дворъ былъ освѣщенъ громаднымъ нефтянымъ факеломъ, свѣтившимъ сильнымъ краснымъ пламенемъ, которое придавало вмѣстѣ съ темнолазуревымъ звѣзднымъ небомъ удивительный эффектъ сценѣ.

«Пойдемте-ка сюда», шепнулъ мнѣ одинъ знакомый сартъ, подмигнувъ глазкомъ, какъ это дѣлается

при предложеніи какого-нибудь запретнаго плода.— Что такое, зачѣмъ?—«Посмотримъ, какъ батчу одѣваютъ». Въ одной изъ комнатъ, двери которой, выходящія на дворъ, были скромности ради закрыты, нѣсколько избранныхъ, большею частью изъ почетныхъ туземцевъ, почтительно окружали *батчу*, прехорошенькаго мальчика, одѣвавшагося для представленія; его преображали въ дѣвочку: подвязали длинные волосы въ нѣсколько мелкозаплетенныхъ косъ, голову покрыли большимъ свѣтлымъ шелковымъ платкомъ и потомъ выше лба перевязали еще другимъ узко сложеннымъ, ярко краснымъ. Передъ батчей держали зеркало, въ которое онъ все время кокетливо смотрѣлся. Толстый-претолстый сартъ держалъ свѣчку, другіе благоговѣйно, едва дыша (я не преувеличиваю), смотрѣли на операцію и за честь считали помочь ей, когда нужно что-нибудь подправить, подержать. Въ заключеніе туалета, мальчику подчернили брови и рѣсницы, налѣпили на лицо нѣсколько мушекъ—signes de beauté, и онъ, дѣйствительно преобразовавшійся въ дѣвочку, вышелъ къ зрителямъ, привѣтствовавшимъ его громкимъ, дружнымъ одобрительнымъ крикомъ.

Батча тихо, плавно началъ ходить по кругу; онъ мѣрно, въ тактъ тихо вторившихъ бубенъ и ударовъ въ ладоши зрителей выступалъ, граціозно изгибаясь тѣломъ, играя руками и поводя головою. Глаза его.

большіе, красивые, черные и хорошенькій ротъ имѣли то вызывающее выраженіе, временами слишкомъ нескромное. Счастливцы изъ зрителей, къ которымъ обращался батча съ такими многозначительными взглядами и улыбками, таяли отъ удовольствія и, въ отплату за лестное вниманіе, принимали возможно униженныя позы, придавали своему лицу подобострастныя, умильныя выраженія. «Радость моя, сердце мое», раздавалось со всѣхъ сторонъ, «возьми жизнь мою», кричали ему, «она ничто передъ одною твоею улыбкою» и т. п. Вотъ музыка заиграла чаще и громче; слѣдуя ей, танецъ сдѣлался оживленнѣе, ноги—батча танцуетъ босикомъ—стали выдѣлывать ловкія, быстрыя движенія; руки змѣями завертѣлись около заходившаго корпуса; бубны застучали еще чаще, еще громче, еще быстрѣе завертѣлся батча, такъ что сотни глазъ едва успѣвали слѣдить за его движеніями; наконецъ, при отчаянномъ трескѣ музыки и неистовомъ возгласѣ зрителей, воспослѣдовала заключительная фигура, послѣ которой танцоръ или танцовщица, какъ угодно, освѣжившись немного поданнымъ ему чаемъ, снова тихо заходилъ по сценѣ, плавно размахивая руками, раздавая улыбки и бросая направо и налѣво свои нѣжные, томные, лукавые взгляды.

Чрезвычайно интересны музыканты, съ учащеніемъ такта танца они еще болѣе, чѣмъ зрители, прихо-

дять въ восторженное состояніе, а въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ даже вскакиваютъ съ корточекъ на колѣни и до-нельзя яростно надрываютъ свои и безъ того громкіе инструменты. Батчу-дѣвочку смѣняетъ батча-мальчикъ, общій характеръ танцевъ котораго мало разнится отъ первыхъ. Пляска перемѣняется пѣніемъ оригинальнымъ, но и монотоннымъ, однообразнымъ, большею частью грустнымъ! тоска и грусть по миломъ, неудовлетворенная, подавленная, но восторженная любовь и очень рѣдко любовь счастливая служатъ обыкновенными темами этихъ пѣсенъ, слушая которыя, туземецъ пригорюнится, а подчасъ и всплакнетъ.

Интереснѣйшая, хотя неофиціальная и не всѣмъ доступная часть представленія начинается тогда, когда офиціальная, т.-е. пляска и пѣніе окончились. Тутъ начинается угощеніе батчи, продолжающееся довольно долго—угощеніе очень странное для мало знакомаго съ туземными нравами и обычаями. Вхожу я въ комнату во время одной изъ такихъ закулисныхъ сценъ и застаю такую картину: у стѣны важно и гордо возсѣдаетъ маленькій батча; высоко вздернувши свой носикъ и прищуря глаза, онъ смотритъ кругомъ надмѣнно, съ сознаніемъ своего достоинства; отъ него вдоль стѣнъ, по всей комнатѣ, сидятъ, одинъ возлѣ другого, поджавши ноги, на колѣняхъ, сарты разныхъ видовъ, размѣровъ и воз-

растовъ—молодые и старые, маленькіе и высокіе, тонкіе и толстые—всѣ уткнувшись локтями въ колѣни и возможно согнувшись, умильно смотрять на батчу: они слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, ловятъ его взгляды, прислушиваются къ каждому его слову. Счастливецъ, котораго мальчишка удостоитъ своимъ взглядомъ и еще болѣе словомъ, отвѣчаетъ самымъ почтительнымъ подобострастнымъ образомъ, скорчивъ предварительно изъ лица своего и всей фигуры видъ полнѣйшаго ничтожества и сдѣлавши *бату* (родъ привѣтствія, состоящаго въ дерганіи себя за бороду), прибавляя постоянно, для большаго уваженія, слово «таксиръ» (государь). Кому выпадетъ честь подать что-либо батчѣ, чашку ли чая или что-либо другое, тотъ сдѣлаетъ это не иначе, какъ ползкомъ, на колѣняхъ и непремѣнно сдѣлавши предварительно бату. Мальчикъ принимаетъ все это, какъ нѣчто должное, ему подобающее, и никакой благодарности выражать за это не считаетъ себя обязаннымъ.

Я сказалъ выше, что батча часто содержатся нѣсколькими лицами: десятью, пятнадцатью, двадцатью; всѣ они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются угодить мальчику; на подарки ему тратятъ послѣднія деньги, забывая часто свои семьи, своихъ женъ, дѣтей, нуждающихся въ необходимомъ, живущихъ впроголодь...

* *
*

Календарханъ—пріютъ для нищихъ; мѣста, въ которыхъ эти пріюты выстроены, всегда полны тѣни и прохлады и принадлежатъ къ лучшимъ уголкамъ города.

Посрединѣ двора возвышеніе, мѣсто для молитвы—непремѣнная принадлежность всякаго общественнаго мѣста. Далѣе другое возвышеніе, болѣе просторное, посрединѣ котораго стоитъ низкое, бѣдное, грязное, убогое зданьице нищихъ, тутъ же и засѣдающихъ, обыкновенно, вдоль стѣнъ и по платформѣ. Одни изъ нихъ разговариваютъ, другіе курятъ, пьютъ чай, а иной, напившись кукнару, спитъ врастяжку.

Нищенство здѣсь сильно развито и хорошо организовано. Нищая компанія составляетъ родъ братства съ однимъ главою; глава этотъ потомокъ того святого Нахшбенди, который далъ организацію нищенствующему люду и закрѣпилъ за нимъ полученную отъ общества землю, даровую для всѣхъ желающихъ пристроиться на ней, сдѣлаться дивановъ. Домъ этого главы очень порядочный, непохожій на грязный домишко его подчиненныхъ, стоитъ тутъ же близъ дороги, близъ спуска съ городской улицы на площадку календархана. Я нѣсколько разъ хотѣлъ повидаться съ этимъ *тюрою* нищихъ (тюра — господинъ), поразспросить его хорошенько объ исторіи и времени основанія его *нищенствующаго ордена*, но его постоянно не

Хоръ лирниковъ.

было дома: одинъ разъ говорили, что тюра въ Чемкентѣ, другой разъ въ Ходжентѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ; дѣло въ томъ, что, будучи главою нищаго братства, онъ живетъ то въ томъ, то въ другомъ изъ нихъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году: собираетъ съ своихъ подчиненныхъ доходы, судитъ и рядитъ ихъ, если нужно. Доходовъ собираетъ онъ, надобно думать, немало, потому что каждый диванъ обязанъ ежедневно внести ему все полученное имъ въ продолженіе дня, исключая того, что нужно себѣ на пищу и необходимую одежду.

Въ офиціальные нищіе, диваны, можетъ поступить всякій желающій, всякій предпочитающій бродяжество работѣ; холостые, большею частью, живутъ вмѣстѣ въ календархапахъ, женатые—отдѣльными домами; мнѣ указывали семейства, въ которыхъ дѣдъ, отецъ и внукъ—диваны.

Поступающій въ общество календарей получаетъ нѣкотораго рода форму: ему выдается особаго вида шапка краснаго цвѣта, расшитая шерстью, снизу опушенная бараньимъ мѣхомъ, широкій поясъ, чашка изъ тыквы, въ которую собираются куски говядины и жирнаго риса, безцеремонно опускаются и мѣдныя чехи (чеха $^1/_3$ копейки); остальная одежда дивана хотя принадлежитъ ему самому, но дѣлается по извѣстному, принятому образцу: халатъ долженъ непремѣнно имѣть видъ одежды, покрытой заплатами;

и есть мастера творить удивительно пестрыя, бросающіяся въ глаза, отъ разнообразія заплатокъ одѣянія.

У дивана есть всегда старое будничное платье, въ которомъ онъ ежедневно ходитъ: это сплошная масса лохмотьевъ, въ которыхъ, что называется, *живо по мѣста нѣтъ*; другое праздничное, надѣваемое въ торжественные дни, все составленное изъ расположенныхъ въ живописномъ безпорядкѣ, одна возлѣ другой, пестрыхъ, разноцвѣтныхъ, новенькихъ, недавно выпрошенныхъ на базарѣ лоскуточковъ: когда виденъ и кусочекъ шелковой матеріи или сукна, а больше ситца, которыхъ образчики русскаго и туземнаго производства не на штуку конкурируютъ на плечахъ дивана прочностью и цвѣтомъ.

— Зачѣмъ это у тебя палочка? — спрашивалъ я одного; у него былъ въ рукахъ тоненькій зеленый прутъ, шкура котораго была узоромъ вырѣзана.

— А когда я у кого-нибудь прошу милостыню, — отвѣчалъ онъ, — да онъ меня не слушаетъ, такъ я этой палочкой тихонько и трону...

Каждый день утромъ нищая компанія расходится на промыселъ, и вечеромъ опять всѣ собираются, сводятъ счеты, приходы, разсказываютъ видѣнное, слышанное, городскія новости и сплетни. По улицамъ и базарамъ постоянно встрѣчаются диваны, то въ одиночку, то цѣлою группой: первые вытягива-

ютъ *соло* своего Лазаря, вторые ревутъ хоромъ; человѣкъ десять, пятнадцать, а иногда и болѣе, всѣ, въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ, съ желтыми обрюзглыми физіономіями, апатично вытягиваютъ знакомыя слова, подхватываютъ ихъ за впереди стоящимъ запѣвалой, разбитнымъ вожакомъ всей компаніи; запѣвало этотъ выпѣваетъ такія штуки и такъ уморительно, что непривычному нельзя не разсмѣяться: заткнувши уши пальцами, нагнувшись корпусомъ впередъ, онъ весь надувается и какъ бы грозитъ лопнуть, если не дадутъ подаянія.

Вечеромъ диванъ возвращается въ свою грязную хату; форма, т.-е. шапка и проч., снята; чашка, за вынутіемъ изъ нея собраннаго, отправляется въ уголъ или на гвоздикъ, и святый мужъ садится къ огоньку, разсказываетъ, сплетничаетъ, слушаетъ другихъ, при чемъ куритъ крѣпкій *наша*, попиваетъ чаекъ или и кукнаръ; отъ кукнара, сильно опьяняющаго, спитъ онъ крѣпко до утра, до новыхъ бродяжническихъ подвиговъ.

Почти всѣ диваны записные пьяницы, почти всѣ опіомоѣды. Кукнаръ и опіумъ принимаютъ дозами, раза по три, по четыре въ день—первый большими чашками, второй—кусками; многіе, впрочемъ, готовы глодать тотъ и другой, сколько войдетъ, во всякую данную минуту.

Я скормилъ разъ одному цѣлую палку продажнаго

на базарѣ опіума и не забуду, съ какою жадностью онъ глоталъ, не забуду и всей фигуры, всего вида опіумоѣда: высокій, до-нельзя блѣдный, желтый, онъ походилъ скорѣй на скелетъ, чѣмъ на живого человѣка; почти не слышалъ, что кругомъ его дѣлалось и говорилось, день и ночь мечталъ только объ опіумѣ.

Сначала онъ не обращалъ вниманія на то, что я говорилъ ему, не отвѣчалъ и, вѣроятно, не слышалъ; но вотъ онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ опіумъ — вдругъ лицо его прояснилось, до тѣхъ поръ безсмысленное, получило выраженіе, глаза широко раскрылись, ноздри раздулись, онъ протянулъ руку и сталъ шептать: дай, дай... Я не далъ сначала, спряталъ опіумъ—тогда скелетъ этотъ весь заходилъ, началъ ломаться, кривляться, какъ ребенокъ, и все умолялъ меня: дай бенгъ, дай бенгъ! (бенгъ — опіумъ). Когда я, наконецъ, подалъ ему кусокъ, онъ схватилъ его въ обѣ руки и, скорчившись у своей стѣнки, началъ грызть его потихоньку, съ наслажденіемъ, зажмуривая глаза, какъ собака гложетъ вкусную кость. Скоро онъ началъ какъ-то странно улыбаться, нашептывать безсвязныя слова; временемъ же судорога передергивала и искривляла его лицо...

Онъ сгрызъ уже половину, когда близъ него сидѣвшій опіумоѣдъ, давно уже съ завистью смотрѣвшій на предпочтеніе, оказанное мною скелету, вдругъ вырвалъ у него остальное и въ одну секунду поло-

жилъ себѣ въ ротъ. Что сдѣлалось съ бѣднымъ скелетомъ? Онъ бросился на своего товарища, повалилъ его и началъ всячески теребить, бѣшено приговаривая: «Отдай, отдай, говорю!» Я думалъ, что онъ ему выворотитъ скулу...

Календарханы не только пріюты нищихъ — это также нѣчто среднее между нашимъ кафе-ресторановъ и клубомъ: желающій покурить *наша*, или, еще болѣе, запретнаго опіума и стыдящійся или неимѣющій возможности заводить эти вещи дома — идетъ въ календархану; пьяница отводитъ свою душу кукнаромъ также въ календарханѣ; разныхъ новостей, какъ это можно себѣ представить, между бродягами-диванами не переслушаешь; поэтому, народа всякаго, болтающаго, курящаго, пьющаго и спящаго всегда не мало. Мнѣ случалось встрѣчать тамъ лицъ довольно почтенныхъ, которыя, впрочемъ, какъ бы стыдились того, что я, русскій тюра, заставалъ ихъ въ компаніи опіумоѣдовъ и кукнарчей.

Между опіумоѣдами есть личности поразительныя; физіономія каждаго изъ нихъ уже прямо говоритъ: *я опіумоѣдъ*; но тѣ, которые ѣдятъ его много и съ давнихъ поръ, особенно отличаются вялостью, неподвижностью всей фигуры, какою-то пугливостью всѣхъ движеній, мутнымъ, апатичнымъ взглядомъ, желтымъ цвѣтомъ лица и до-нѣльзя обрюзглымъ видомъ всей физіономіи. Мнѣ говорили (и я имѣлъ случай

провѣрить это на дѣлѣ), что опіумоѣдъ оказывается непремѣнно трусомъ.

Лѣтомъ жизнь этихъ людей далеко не горька: птицы божьи, они не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы—впрочемъ, вѣрнѣе сказать, только не сѣютъ и не собираютъ въ житницы; жать же, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, но жнутъ и жнутъ изрядно; отъ плодовъ этой жатвы бравый диванъ исправно напитается, напьется и, если время свободное, валяется, пока душа проситъ, въ тѣни деревьевъ.

Зимою бѣднякамъ приходится туже: какъ ни кутаются они въ свои дырявые халатишки, но, все-таки, мерзнутъ, коченѣютъ, потому что зимы здѣсь бываютъ, сравнительно съ жарами лѣта, довольно холодны.

Пришедши разъ довольно холоднымъ днемъ въ календархану, я засталъ картину, которая врѣзалась въ моей памяти: цѣлая компанія нищихъ сидѣла, тѣсно сжавшись вдоль стѣнъ; недавно, вѣроятно, приняла дозу опіума: на лицахъ тупое выраженіе; полуоткрытые рты нѣкоторыхъ шевелятся, какъ будто шепчутъ что-то; многіе, уткнувши голову въ колѣни, тяжело дышатъ, изрѣдка передергиваются судорогами...

Близъ базара есть множество конуръ, въ которыхъ живутъ диваны, опіумоѣды: это маленькія, темненькія, грязныя, полныя разнаго сору и насѣкомыхъ

каморки. Въ нѣкоторыхъ стряпается кукнаръ, и тогда каморка получаетъ видъ распивочной лавочки, постоянно имѣющей посѣтителей: одни, выпившіе въ мѣру, благополучно уходятъ, другіе, менѣе умѣренные, сваливаются съ ногъ и спятъ вповалку по темнымъ угламъ.

Кукнаръ—очень ударяющій напитокъ, приготовляемый изъ шелухи обыкновеннаго мака: шелуху эту разбиваютъ на мелкіе кусочки и кладутъ въ горшокъ съ водою, которую нагрѣваютъ; когда шелуха поразмокнетъ, ее выжимаютъ руками въ водѣ, дѣлающейся отъ этого красноватою, мутною и горькою; горечь кукнара такъ непріятна, что я не могъ никогда проглотить его, хотя не разъ былъ угощаемъ привѣтливыми диванами.

Въ подобныхъ же канурахъ устраиваются лавочки и для куренія опіума; каморка такая вся устлана и обита циновками — и полъ, и стѣны, и потолокъ; курильщикъ ложится и тянетъ изъ кальяна дымъ отъ горящаго шарика опіума, который маленькими щипчиками придерживается другимъ, у отверстія кальяна. Одуреніе отъ куренія опіума едва ли еще не сильнѣе, чѣмъ отъ пріема его внутрь; дѣйствіе его можно сравнить съ дѣйстіемъ табака, но только въ гораздо сильнѣйшей степени; подобно табаку, онъ отнимаетъ сонъ, сонъ натуральный, укрѣпляющій, зато, говорятъ, онъ даетъ сны наяву, сны безпо-

койные, скоропроходящие, галлюцинаціи, смѣняющіяся слабостью и разстройствомъ, но пріятныя.

Едва ли можно сомнѣваться, что въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени опіумъ войдетъ въ употребленіе и въ Европѣ: за табакомъ, за тѣми пріемами наркотика, которые поглощаются теперь въ табакѣ, опіумъ естественно и неизбѣжно стоитъ на очереди.

Оберъ-Аммергау.

Думаю, немногіе изъ русскихъ знаютъ эту деревушку въ горной Баваріи и дающіяся въ ней каждыя десять лѣтъ представленія «Страданій и смерти Іисуса Христа», иначе сказать «Страстей Господнихъ».

Въ нынѣшнемъ году тамъ будетъ усиленное торжество, не столько отъ усердія, сколько отъ ожиданія наплыва иностранцевъ со всего свѣта, имѣющихъ прибыть въ Европу на парижскую выставку. Этотъ послѣдній мотивъ теперь уже пересиливаетъ первый, такъ какъ представленія эти, начатыя съ искупительною цѣлью, все болѣе и болѣе обращаются въ «гешефтъ».

Начало представленій относятъ къ 1633 году, когда повальная болѣзнь свирѣпствовала въ сосѣднихъ съ Оберъ-Аммергау долинахъ, преимущественно въ Партенкирхенѣ, Ешенлое и Кольрубе; умирало будто бы множество народа, и лишь изображеніемъ страданій Христовыхъ, а главное обѣтомъ возобновлять ихъ

каждыя 10 лѣтъ, удалось утишить болѣзнь. Насколько это справедливо—вопросъ, конечно, открытый. Вѣрно только то, что съ теченіемъ времени представленія эти привлекали все болѣе и болѣе народа, дѣлались все болѣе и болѣе выгодными для общины Оберъ-Аммерау. Одни англичане и американцы, какъ извѣстно, за все хорошо платящіе, засыпаютъ деньгами и самую деревушку, и окрестности, по которымъ они подъѣзжаютъ и уѣзжаютъ.

Я не буду описывать—нельзя сказать, пьесы—самаго дѣйствія, которое, какъ художественное произведеніе, внѣ критики, а скажу лишь нѣсколько словъ объ обстановкѣ, весьма наивной и оригинальной.

Я былъ въ этихъ мѣстахъ давно уже, когда часть дороги изъ Мюнхена еще надобно было проѣзжать въ экипажѣ; тѣмъ не менѣе, общій характеръ мѣстности и жителей остался тотъ же, такъ что многое здѣсь сказанное дастъ понятіе и о готовящемся къ лѣту нынѣшняго года.

Еще въ Мюнхенѣ я разсматривалъ въ окнахъ магазиновъ фотографическіе снимки оберъ-аммерауских крестьянъ и крестьянокъ, представлявшихъ дѣйствующихъ лицъ мистеріи, такъ что заранѣе познакомился съ типами актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были поразительно похожи на живописуемые въ христіанскихъ образахъ. За время моей

поѣздки желѣзная дорога доходила только до Вейльгейма, и туда я добрался безъ труда, но потомъ стали выростать препятствія, о которыхъ упоминаю лишь на тотъ случай, что можетъ быть читающій эти строки — на пути въ Оберъ-Аммергау имѣется уже желѣзная дорога будетъ принужденъ ѣздить по другимъ направленіямъ горной Баваріи, рельсовыхъ путей еще не имѣющей.

Бравые горцы оказались великими мастерами плутовать: сказали самымъ рѣшительнымъ образомъ, что омнибусовъ нѣтъ и надобно нанимать экипажъ—не дорого, 35, даже 30 марокъ. Я не поддался, пошелъ по мѣстечку до почты, гдѣ скопилось множество народа желавшаго попасть въ новый Іерусалимъ; омнибусы хотя и оказались, но тоже пробовали обмануть, тоже говорили, что всѣ мѣста заняты, и не остается ничего другого, если я хочу попасть къ представленію, какъ нанять экипажъ—не дорого: 30—25 марокъ.

Я взялся съ другого конца и нашелъ доброхота, обѣщавшаго попробовать достать билетъ за на-водку—это было тѣмъ легче сдѣлать, что отходило сразу 3 омнибуса, и свободныхъ мѣстъ было сколько угодно. Однако, множество англичанъ и др. иностранцевъ, наскучивъ спорить, уѣхали въ наемныхъ экипажахъ, что и требовалось доказать.

Мы выѣхали вечеромъ и ночью пріѣхали въ де-

ревню Аммергау; затѣмъ далѣе съ новымъ омнибусомъ до какого-то мѣстечка, откуда я, потерявши терпѣнье отъ проволочекъ, съ попутчикомъ венгерцемъ, добрался въ шарабанѣ до мѣста назначенія.

Масса народа идетъ туда пѣшкомъ; съ ранцами за плечами, съ палкой въ рукахъ двигается, пожалуй, еще больше народа, чѣмъ въ экипажахъ. Способъ пѣшаго хожденія, особенно въ горахъ, не считается въ Германіи предосудительнымъ для всѣхъ классовъ общества, не такъ, какъ у насъ.

— Вотъ мы и въ Іерусалимѣ, говорили мы, проѣзжая между двумя рядами домовъ, ярко, лубочно разрисованныхъ всевозможными священными фигурами и сюжетами.

Надобно сказать, что по первоначальному обѣту играть здѣсь могутъ только принадлежащіе къ общинѣ, при чемъ ни париковъ, ни накладокъ, ни какихъ-либо иныхъ принадлежностей театральной гримировки не допускается. Вслѣдствіе этого, исполнители справляютъ свои полевыя и другія работы съ бородами и волосами до плечъ. Играющихъ легко отличить поэтому въ толпѣ крестьянъ.

Вечеромъ, напр., мнѣ указали между бродившимъ передъ гостиницей народомъ горца почтенныхъ лѣтъ—«разбойника Варавву». Онъ ходилъ, засунувши руки въ карманы своей сѣрой куртки, курилъ сигару и немилосердно сплевывалъ. На него трудно

было смотрѣть безъ смѣха, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ говорили, онъ прежде служилъ въ жандармахъ.

Надобно полагать, что за мой пріѣздъ собралось на представленіе не менѣе пяти тысячъ человѣкъ.

Варавва разбойникъ.

Всѣ комнаты и углы не только въ гостинницахъ, но и въ частныхъ крестьянскихъ домахъ, были разобраны. Многіе, за невозможностью достать кровать, ютились и спали въ омнибусахъ и экипажахъ, въ которыхъ они пріѣхали. Нечего и говорить, что этотъ съѣздъ массы народа, по большей части зажи-

точнаго, приноситъ жителямъ не меньше выгодъ, чѣмъ самыя представленія.

Такъ какъ играютъ только каждыя 10 лѣтъ, въ промежуткахъ между которыми туристовъ и вообще пріѣзжихъ немного, то на устройство большихъ, хорошо организованныхъ гостиницъ охотниковъ нѣтъ (по крайней мѣрѣ прежде не было), держались лишь маленькія, прямо деревенскія, и всѣ барыши отъ помѣщенія и кормленія гостей идутъ прямо въ руки собственниковъ крестьянъ, обращающихся на это время въ трактирщиковъ.

Отъ самыхъ представленій, какъ замѣчено, доходъ тоже не малый — играютъ 2 раза въ недѣлю, въ продолженіе всего лѣта, и выгода, какъ говорили, доходила до 300.000 марокъ въ лѣто, а теперь, вѣроятно, поднялась и до полумилліона!

Мой компаньонъ платилъ за уголъ, въ которомъ только помѣщалась кровать, по 4 марки въ сутки; я же на какихъ-то не то антресоляхъ, не то полатяхъ заплатилъ вдвое больше и сознаюсь, что минута, въ которую рѣшилась эта цѣна, была въ высшей степени критическая — не только 8, но и дважды 8 заплатилъ бы, чтобы только избавиться отъ неожиданнаго сосѣдства. Ночью меня разбудилъ свѣтъ и шумъ въ моей комнатѣ; открываю глаза и вижу англичанина, какъ есть настоящаго, съ рыжими бакенбардами, въ клѣтчатомъ пиджакѣ, съ кисеей на

шлянѣ, приготовляющагося расположиться рядомъ со мной на постели, оказавшейся двухспальною и потому предназначенной служить для двухъ «гостей»! Едва удалось увѣрить британца, что я нанялъ все и плачу за всю кровать и что хозяйка ошиблась, отдавши половину ему.

Англичанъ и американцевъ было больше всего между пріѣзжими; много священниковъ изъ разныхъ странъ,—мнѣ указывали патеровъ изъ Ирландіи и С.-Америки.

На утро по пріѣздѣ, въ день представленія, мы спозаранка были у театра и уже въ 6 часовъ заняли мѣста, хотя представленіе начинается только въ 8.

Театръ большой, тысячъ, вѣроятно, на 5—6 зрителей. Онъ деревянный и открытый; закрыта только часть сцены, да надъ первыми мѣстами деревянный навѣсъ.

Боковыя части сцены, открытыя, представляютъ улицы Іерусалима, а главный занавѣсъ—общій видъ этого города. Все представленіе раздѣлено на части, въ каждой по 3 сцены. Всякая сцена состоитъ изъ одной или двухъ живыхъ картинъ, взятыхъ изъ исторіи Ветхаго Завѣта и изъ дѣйствія, представляющаго по порядку одно изъ евангельскихъ событій, соотвѣтствующихъ картинамъ, согласно принятому толкованію, что ветхозавѣтныя событія были символами или прообразами событій Новаго Завѣта.

Въ антрактахъ между этими картинами и дѣйствіями являются на аванъ-сцену 10 человѣкъ безбрадыхъ юношей и столько же дѣвъ, представляющихъ геніевъ-вѣщателей. Предводимые благообразнымъ пожилымъ запѣвалой, они тихо, плавно выходятъ съ боковъ на аванъ-сцену, вытягиваются въ шеренгу и начинаютъ поочередно жалостными голосами выпѣвать стихи, объясняющіе картины и ихъ отношеніе къ дѣйствію, передъ началомъ котораго исчезаютъ.

Я не буду, какъ уже говорилъ, вдаваться въ разборъ самой «драмы», такъ какъ нахожу это неудобнымъ, и скажу только нѣсколько словъ о приступѣ къ ней и объ общемъ впечатлѣніи, ею производимомъ.

Занавѣсъ поднялся надъ живою картиною, представляющею Адама и Еву, изгоняемыхъ изъ рая ангеломъ съ огненнымъ мечомъ. Адамъ и Ева были въ розовомъ трико съ достаточнымъ количествомъ зелени вокругъ пояса. Впечатлѣніе этой первой картины на публику было благопріятное — по спускѣ занавѣса отовсюду раздались одобрительные отзывы: Schön! Hübsch!

Слѣдующая картина: ангелъ обнимаетъ подножіе креста и перстомъ указываетъ на него группѣ стоящихъ кругомъ дѣтей—тѣ же одобренія. Затѣмъ начинается первая сцена, въ которой является самъ Спаситель...

Онъ говоритъ преимущественно слова Евангелія,

говоритъ медленно, протяжно. Наружный видъ Его необыкновенно напоминаетъ Его обычныя изображенія...

Постановка довольно реальна, исключая мѣстъ гдѣ говоритъ толпа: вмѣсто обычнаго въ такихъ слу-

Іуда предатель.

чаяхъ шума, хаоса голосовъ, раздаются равномѣрно въ тактъ произносимыя цѣлымъ хоромъ слова—точно рубятъ ихъ и тѣмъ не мало нарушаютъ иллюзію. Само собою разумѣется, что все, вмѣстѣ взятое, можетъ удовлетворить только наивный, невзыскательный вкусъ и неприхотливую публику, зато дѣйствіе на эту послѣднюю очень сильно. Молодая дѣвушка, сидѣвшая рядомъ со мною, плакала, чуть ли не съ

начала представленія, и она была далеко не одна. Въ томъ мѣстѣ изображенія Страданій Христовыхъ, гдѣ Его толкаютъ ногой, и Онъ въ шутовской царской тогѣ, съ вѣнцомъ на головѣ и связанными руками, тихо падаетъ на землю, добрая половина театра рыдаетъ, а другая многозначительно кашляетъ и сморкается—платки во всѣхъ рукахъ. Когда отъ удара копьемъ въ бокъ полилась кровь,—я принужденъ былъ объяснить моей сосѣдкѣ, что «это не настоящая кровь», иначе, какъ я боялся, съ ней сдѣлался бы обморокъ...

Очень расхолаживаетъ, прямо портитъ впечатлѣніе зрителей то, что въ антрактахъ актеры выходятъ освѣжаться пивомъ непереодѣтые, въ тѣхъ самыхъ одеждахъ, въ которыхъ они подвизаются на сценѣ. Эта маленькая неряшливость дѣлаетъ то, что вы, наприм., пьете вашъ «бокъ» рядомъ съ лицомъ, представляющимъ апостола Петра, а гдѣ-нибудь на пустой бочкѣ, съ кружкой въ рукѣ и сигарой въ зубахъ, возсѣдаетъ актеръ, играющій Іоанна.

Меня увѣряли, что въ одно изъ предыдущихъ представленій вмѣсто знаменитыхъ словъ: es ist vollbracht! наивный актеръ произнесъ; «es ist prachtvoll!» Не знаю, правда ли это; за тотъ разъ, что я присутствовалъ, все прошло гладко и прилично, и зрители разъѣхались очень довольные, все съ тѣми же восклицаніями: «Schön! Schön!».

